

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

П Р И Б А В Л Е Н І Я КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 3.

1-го Февраля

1873 года.

Содержаніе. — Святый великій Іоаннь — пророкъ предтеча и креститель Господень. — Море и жизнь. — Изъ публичныхъ чтеній о блаженномъ Августинѣ епископѣ Ипонскомъ. — Бесѣды съ другомъ о молитвахъ на сонъ грядущимъ. — Псалмы. — Разныя извѣстія. — Объявленія.

СВЯТЫЙ ВЕЛИКІЙ ІОАННЪ — ПРОРОКЪ ПРЕДТЕЧА И КРЕСТИТЕЛЬ ГОСПОДЕНЬ.

Честное тѣло св. Іоанна, какъ сказано, было погребено учениками его, въ Самарійскомъ г. Севастіи, гдѣ совершался и самый пиръ Иродовъ, — а честная глава предтечи, закована особо по повелѣнію Иродіады. Св. Евангелистъ Лука, обходя многіе города и веси, проповѣдуя вѣру въ Господа нашего Иисуса Христа, зашелъ и въ г. Севастію; отсюда, намѣреваясь итти въ свое отечество — Антиохію, захотѣлъ взять съ собою нетлѣнное тѣло св. Іоанна Предтечи и перенести въ Антиохію; но жители г. Севастіи, съ благоговѣніемъ почитавшіе нетлѣнныя мощи св. Іоанна Предтечи, и тщательно соблюдавшіе оныя, отказали въ этомъ св. Евангелисту; между тѣмъ дозволили отнять

правую руку отъ святаго тѣла, которую получивши св. Евангелистъ Лука принесъ какъ драгоценное сокровище, въ свою отчизну, — г. Антиохію. Она сохранялась съ великимъ почитаніемъ и чрезъ нее совершались многія чудеса. По прошествіи многихъ лѣтъ, въ Греціи воцарился Юліанъ Богоотступникъ, отвергшійся Христа, и поклонившійся идоламъ. Онъ жестоко преслѣдовалъ, мучилъ, убивалъ непоколебимыхъ исповѣдниковъ Христа, и не только изливалъ свѣй яростный гнѣвъ на живыхъ, но и умершимъ святымъ Божиимъ не давалъ покоя въ самыхъ гробахъ ихъ, приказывая вырывать св. тѣла мучениковъ, собирать кости и сжигать ихъ; церкви и почитаемыя святыни истреблялъ и обращалъ въ пепель. Неистовый Юліанъ, дыша демонскою злобою противъ христіанъ, нѣкогда отправился въ г. Антиохію принести жертву идолу — Аполлону, находившемуся въ предградіи, называемомъ — Дафни. Христіане г. Антиохіи, услышавши о приходѣ Юліана, опасаясь, чтобы онъ, развѣдавъ о св. рукѣ Іоанна крестителя не сжегъ ее, тайно скрыли оную въ нѣкоторомъ городскомъ столпѣ (башнѣ), называемомъ *iota*. Юліанъ, вошедши въ Антиохію, совершивши тамъ множество злодѣяній и безбожныхъ поступковъ, всячески старался отыскать правую руку св. Іоанна Крестителя; но не могъ. Ожесточенный не удачаю, въ пылу безумнаго гнѣва и неистовой ярости, онъ нарочито послалъ въ палестину въ г. Севастію съ грознымъ повелѣніемъ истребить, предать огню храмъ во имя св. Іоанна Крестителя и хранящееся въ ономъ святое тѣло его; — что было исполнено, какъ повѣствуютъ Никифоръ и Кедринъ. Впрочемъ, блаженный Сумеонъ Метафрастъ пишетъ, что св. патриархъ Іерусалимскій, еще прежде узнавшій о повѣленіи Юліановомъ, взялъ тайно изъ гроба св. мощи Крестителя и послалъ оныя въ Александрію для сохраненія, а вмѣсто ихъ въ гробъ положилъ кости нѣкотораго мертвеца, которыя и были сожжены, вмѣсто святаго тѣла Крестителя, съ храмомъ и гробомъ.

По смерти царя Юліана, когда церковь умиротворилась, и вѣра Христова восторжествовала, нетлѣнная рука св. Предтечи, какъ всегда горящая свѣча, изъ подъ спуда была взята, и изъ столпа, въ которомъ хранилась, была перенесена въ храмъ и почитаема съ великимъ благоговѣніемъ. Отъ нея совершались многія чудеса. Не излишнимъ, а паче умѣстнымъ кажется разсказать одно изъ чудесъ, совершившихся отъ святой руки:

Въ предѣлахъ Антиохійскихъ, нечестивый Греческій народъ, въ числѣ боговъ своихъ, почиталъ нѣкотораго змія — великаго и страшнаго, которому приносилъ жертвы.

Ежегодная, — обычная жертва была такова: изъ дочерей Антиохійскихъ гражданъ, по жребію, выбиралась непорочная дѣвица, которая въ извѣстное время года, въ глазахъ съ позорища смотрящаго всего народа, которое было устроено не далеко отъ пещеры змія, отдавалась на съѣденіе ему, который, конечно, не безъ дѣйствія діавола, увидя жертву, выползалъ изъ своей пещеры, съ страшнымъ свистомъ и разинутою пастью, и, получая жертву, терзая зубами съѣдалъ. Въ одинъ годъ, подобный жребій выпалъ на дочь одного изъ гражданъ — христіанъ. Съ горькими слезами, онъ пламенно молилъ Господа Бога и св. угодника Его, св. Іоанна крестителя избавить дочь его отъ насильственной, мучительной смерти.

Когда наступило время богомерзкаго праздника, отецъ, пришедши къ храму, въ которомъ хранилась рука крестителя, неотступно просилъ ключаря отворить ему храмъ, чтобы поклониться честной и святой рукѣ; получивши позволеніе, онъ вошелъ въ храмъ, и, когда полагалъ поклоны предъ святымъ ковчегомъ, въ которомъ хранилась св. рука, какъ бы нечаянно изъ за пазухи рассыпалъ золотыя монеты, напередъ заготовленныя. Увидѣвши золотую, рассыпанную монету златолюбивый ключарь бросился поспѣшно собирать ее; въ это время отецъ христіанинъ, цѣлуя святую крестителеву руку, тайно откусилъ зубами членъ малаго перста и скрылъ его, потомъ довольно помолвившись вышелъ изъ храма. По наступленіи дня діавольскаго праздника, собрался народъ на позорище, — пришелъ и отецъ, ведя дочь свою, опредѣленную жребіемъ на съѣденіе змію, но съ упованіемъ на Божіе милосердіе и чудесную помощь св. Іоанна крестителя. Страшный змій, съ свистомъ и разинутою пастью, уже приближался къ своей жертвѣ, чтобы пожрать ее, — и, когда уже приблизился, отецъ дѣвицы, не отступавшій отъ нея, бросилъ въ разверстую пасть змія членъ перста св. Іоанна крестителя, — и змій тотчасъ издохъ. Такимъ образомъ спаслась дѣвица отъ лютой смерти. Отецъ съ радостными слезами, воздавъ благодареніе Богу и св. крестителю, рассказалъ народу о совершившемся чудѣ. Народъ, удивляясь такому чуду, видя мертваго змія и живую дѣвицу, вмѣсто страха, объятый радостію славилъ Бога и великаго угодника Божія. Множество невѣрныхъ увѣровало въ Іисуса Христа, а на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось преславное чудо, Антиохійцы воздвигли великолѣпный храмъ во имя святаго Іоанна крестителя. Повѣствуютъ о ежегодномъ чудѣ честной десницы св. Предтечи, во время праздника Воздвиженія Честнаго Креста Господня (14-го сент.). Во время богослуженія, когда архіерей воздвигалъ честную руку

предъ лицомъ народа;—то къ общему удивленію, рука, въ иной годъ, распространялась, а въ иной сгибалась; въ первомъ случаѣ годъ обильный былъ на хлѣбъ и всякаго рода плоды,—въ другомъ—былъ скудный на все. Когда агаряне, напавши на Антиохію и сосѣднія страны, овладѣли ими; тогда и самая рука св. Іоанна крестителя была какъ бы въ плѣну. Греческіе, христіанскіе цари всячески старались освободить св. руку отъ иновѣрнаго обладанія; но никакимъ способомъ не могли. Въ царствованіе багрянородныхъ братьевъ—Константина и Романа, одинъ благочестивый діагонъ поимени Іовъ, чтобы тайно взять св. руку крестителя изъ храма свят. апостола Петра, въ которомъ она лежала, прибѣгнувъ къ хитрости. Благочестивый Іовъ устроилъ свое пребываніе при этой церкви, подружился съ хранителемъ церковныхъ сосудовъ, имѣя главное въ виду, какъ бы удобнѣе получить желаемое; онъ неоднократно умолялъ сосудохрани- теля выдать ему безцѣнное сокровище; но онъ низачто не соглашался. Объятый скорбію благочестивый Іовъ, наконецъ прибѣгаетъ къ слѣдующей хитрости: онъ приготовляетъ богатую вечерю, приглашаетъ сосудохрани- теля, угостилъ и напоилъ его до пьяна; и—когда онъ крѣпко заснулъ, Іовъ тайно вошелъ въ церковь, открывши ковчегъ, взявъ честную руку Іоанна крестителя и скрылъ её у себя; сосудохрани- тель проснувшись утромъ, не догадался о такомъ похищеніи. Между тѣмъ Іовъ поспѣшно вышелъ изъ Антиохіи съ честною рукою, боясь, чтобы такое его тайное дѣло не сдѣлалось кому—либо извѣстнымъ. Храни- мый Богомъ и покровительствуемый молитвами св. Іоанна крестителя; онъ благополучно достигъ христіанской области. При- шедши въ Халкидонъ, открылъ тайну, показывая христіанамъ безцѣнное сокровище, изнесенное изъ Антиохіи.

Когда эта тайна сдѣлалась извѣстною, тотчасъ увѣдомили о томъ благочестивыхъ царей греческихъ—Константина и Романа, которые получивъ такую радостную вѣсть, и исполнившись неизреченною радостію, немедленно отправили корабль съ святѣйшимъ патріархомъ и знаменитѣйшими сенаторами въ Халкидонъ встрѣтить несомую честную десницу св. Іоанна крестителя, и торжественно съ благоговѣніемъ принести оную въ градъ царскій. Святѣйшій патріархъ самъ несеъ её на своихъ рукахъ; царь и народъ вышли къ берегу и съ пѣніемъ псалмовъ и пѣсней церковныхъ со свѣчами и кажде іемъ еиміама встрѣтили патріарха съ безцѣннымъ, святымъ сокровищемъ, и облобызавши её принесли въ церковь, находящуюся въ царскихъ чертогахъ. Таковое принесеніе честной руки св. Предтечи случилось въ самый вечеръ праздника Богоявленія Господня (6-го

января) прежде освященія водъ. Праздникъ этотъ, по сему случаю, праздновался съ сугубымъ веселіемъ, а на другой день 7 го генваря, также торжественно праздновался соборъ св Іоанна крестителя; что совершается православною церковію и донынѣ, тогоже 7-го генваря. (Чет мин. м. генваря 7 го д' стран. 77 - 81.

Когда католическій западъ поднялъ крестовые походы на востокъ, для освобожденія святыхъ мѣстъ отъ варварскаго обладавія,—и когда большая часть ихъ уже была подъ властію крестоносцевъ,—то десная рука св. Іоанна крестителя была взята изъ Константинополя и перенесена въ Мальту, а отсюда, въ 1799 мѣ г. 12 го октября, была перенесена въ г. Гатчину. (Савктпетерб. губ.). Такое перенесеніе православною церковію празднуется тогоже 12 го окт., какъ и значится въ церковномъ Мѣсяцесловѣ подъ тѣмъ же числомъ: «Въ тойже день (12-го окт.) празднованіе святому Іоанну крестителю Господню, на память принесенія изъ Мальты во градъ Гатчину Креста изъ части Древа Животворящаго Креста Господня, чудотворяго образа Божіей Матери, писаннаго евангелистомъ Лукою, и десная руки мощей св. Іоанна крестителя».—По сему случаю, ежегодно совершается крестный ходъ 12-го октября изъ Гатчинской, дворцовой церкви въ Гатчинскій, Павловскій соборъ.

Что же вамъ извѣстно изъ церковныхъ источниковъ о честной главѣ св. Іоанна крестителя?... Православная церковь празднуетъ 24 го февраля первое и второе обрѣтеніе честныя главы Предтечева, и въ тропарѣ (гл. 4-й) воспѣваетъ: «Отъ земли возсіявши Предтечева глава, лучи испускаетъ нетлѣнія, вѣрнымъ исцѣлений: свыше собираетъ множество ангель, долгъ же созываетъ человѣчскій родъ, единоголосную возсылати славу Христу Богу».

Преданіе и нѣкоторые церковные историки повѣствуютъ слѣдующее:

Св. Іеронимъ повѣствуетъ, (о чемъ было сказано прежде), что беззаконная Продіада, нагло наругавшись надъ главою св. Іоанна Предтечи, не позволила похоронить еѣ вмѣстѣ съ тѣломъ, боясь, чтобы св. обличитель ея презюбодвѣнія, по приложеніи главы къ тѣлу, не воскресъ,—а повелѣла закопать еѣ, во дворцѣ своемъ, на тайномъ, сокрытомъ отъ всѣхъ, безчестномъ

мѣстѣ. (Никифоръ кн. 1 гл. 19). Иоанна, жена Хузы (Хузана), домоправителя (приставника) Иродова, при жизни Спасителя, служившая Ему, въ числѣ другихъ отъ своего имѣнія и въ послѣдствіи бывшая въ числѣ женъ—муроносицъ, (Лук. VIII. 3), сожалѣя о невинномъ убійствѣ Великаго, свят. пророка Иоанна и о поруганіи Его главѣ,—зная мѣсто, на которомъ она была закопана, ночью тайно вынувши её и вложивши въ скудельный сосудъ, схоронила её на Елеонской горѣ, на мѣстѣ, принадлежавшемъ Ироду. (Прологъ 25 мая). Когда распространился слухъ о чудесахъ Иисуса Христа,—Иродъ подумалъ, не воскресли ли Иоаннъ,—и искавши главы его, не сыскалъ,—и пришелъ въ недоумѣніе съ Иродіадою. Итакъ мѣсто, принявшее въ себя честную главу Предтечеву, до нѣкотораго времени, оставалось неизвѣстнымъ. Въ послѣдствіи времени, нѣкто изъ знаменитыхъ царедворцевъ Ирода, вѣрующій во Иисуса Христа, по имени Иннокентій, оставивши міръ, пришелъ въ свят. градъ Іерусалимъ, и, купивши на Елеонской горѣ то мѣсто, которое нѣкогда принадлежало Ироду (прол. 25 мая), построилъ тамъ келлію, и облекшись въ иноческій чинъ, работалъ Господеви. Потомъ, желая построить для себя небольшую каменную церковь, началъ копать ровъ для основанія, и, по Божію смотрѣнію, обрѣлъ сокрытый въ землѣ скудельный сосудъ съ главою. По откровенію Божію и по нѣкоторымъ чудесамъ, совершившимся отъ главы, благочестивый Иннокентій увѣрился въ томъ, что это—глава св. Иоанна Предтечи, и хранилъ её у себя съ благоговѣніемъ. Приближаясь къ смерти, видя мерзость запустѣнія на святомъ мѣстѣ, Іерусалимскій храмъ и святые мѣста, оскверненные идолами и нечестивыми жертвами, и опасаясь, чтобы и честная глава Предтечева не подвергалась поруганію и безчестію,—онъ зарылъ ее на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ поставилъ келлію и церковь.

По смерти Иннокентія, келлія и церковь запустѣли, и отъ ветхости со временемъ разрушились такъ, что незамѣтно было и слѣда ихъ. Итакъ безцѣнная святыня—глава св. Иоанна Предтечи, какъ свѣтильникъ, изъ подъ спуда, изнесѣнная изъ земныхъ вѣдръ на нѣкоторое время пустыннымъ инокомъ, опять сокрылась въ земныя вѣдра; и долго оставалась невѣдомою. Въ царствованіе Равноапостольнаго, Греческаго Царя Константина, когда свѣтъ христіанской вѣры разлился повсемѣстно, и когда мать его, Равноапостольная Елена, изъ вѣдръ земныхъ извлекла святѣйшее сокровище—Крестъ Христовъ, очистила святые мѣста отъ мерзостей идольскихъ, разорила капище, возстановила разрушенные храмы, построила новые на многихъ, святыхъ мѣстахъ; въ это время два инока съ восточной стороны согласи-

лись посѣтить святія мѣста Іерусалимскія и поклониться Живо-
творящему Кресту Христову, обрѣтенному Царицею Еленою и
святому гробу Господню. Иноки, пришедши въ Іерусалимъ,
обходили св. мѣста, молясь и покланяясь. Одному изъ этихъ
иноковъ, св. Іоаннъ Предтеча явился во снѣ, и повелѣвалъ вы-
нуть изъ земли свою главу, указавъ мѣсто, гдѣ она была скры-
та. Проснувшись, онъ пересказалъ другу своему о сонномъ ви-
дѣніи; но тотъ, таковое видѣніе считая за сонное мечтаніе, не
повѣрилъ самъ,—и ему несовѣтовалъ вѣрить. Св. Іоаннъ Пред-
теча, въ другую ночь опять явился во снѣ,—но обоимъ порознь,
—и сказалъ: „Оставьте невѣріе и лѣность, и исполните, что
вамъ повелѣваютъ.“ Проснувшись, оба рассказали другъ другу
сонное видѣніе; потомъ пошли на мѣсто, указанное имъ въ
видѣніи, начали копать, и открыли безцѣнное сокровище — чест-
ную главу св. Іоанна Предтечи; положивши ее во вретище изъ
верблюжихъ волосъ, отправились обратно на родину. На пути,
съ ними повстрѣчался вѣкоторый странникъ изъ гор. Емесеи,
по ремеслу горшечникъ, который, по крайней бѣдности, оста-
вилъ свою жену и отечество; иноки приняли его въ спутники и
дали ему нести вретище съ св. главою Предтечи. Безпріютный
странникъ, обрадованный такою встрѣчею и ихъ участіемъ, съ
покорностію взялся нести вретище, неспрашивая, что въ немъ
находится. Св. Іоаннъ Предтеча, видя лѣность и не усердіе ино-
ковъ, сначала не повѣрившихъ Его явленію, потомъ незахотѣв-
шихъ даже нести честную главу Его, но вѣрившихъ простому
и неизвѣстному для нихъ человеку, Самъ явился сему послѣд-
нему, повелѣлъ ему оставить своихъ спутниковъ и бѣжать отъ
нихъ съ вретищемъ. Горшечникъ послушался, тайно бѣжалъ отъ
нихъ съ вретищемъ, и возвратился въ домъ свой къ женѣ, при-
неся сокровище, драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ земныхъ. Го-
сподь благословилъ домъ его всякимъ довольствомъ; послѣ край-
ней бѣдности, онъ жилъ въ полномъ изобиліи, удѣляя отъ своего
изобилія — бѣднымъ. Честную главу св. Іоанна Предтечи благо-
говѣнно почиталъ, ежедневно вжигая свѣтильники, кади еиміа-
момъ и моляся безирестанно, и жизнь вообще проводилъ добро-
дѣтельную. Когда приближался къ смерти благочестивый ску-
дельникъ,—св. Іоаннъ Предтеча, явившись ему, повелѣлъ со-
крыть главу Его въ водоносъ,—куда вложивши онъ, и запеча-
тавши ковчегъ съ водоносомъ, вѣрилъ его своей сестрѣ, расска-
завши подробно, какъ онъ получилъ св. главу Предтечи, и по-
томъ, какъ онъ, по молитвамъ св. угодника Божія, изъ крайне
бѣднаго сдѣлался весьма богатымъ, повелѣлъ ей имѣть св. главу
въ великомъ почтеніи, хранить съ благоговѣніемъ и страхомъ,
и неоткрывать ковчега безъ особаго на то соизволенія св. Пред-

течи.—а предъ смертію передать ковчегъ какому—нибудь богобоязненному и добродѣтельному мужу. Итакъ честная глава Предтечева, переходя отъ одного къ другому, перешла наконецъ къ нѣкоторому иноку и пресвитеру, по имени Евстафію, жившему близъ гор. Емесіа, въ пещерѣ. Этотъ инокъ, зараженный аріевою ересію, тайно скрывалъ у себя честную главу св. Предтечи.—и чудеса, отъ нея совершаемыя, святотатственно приписывалъ себѣ, скрывая отъ народа самую истину. Когда зловѣріе его сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ въ г. Емесіи; то Епископъ, съ согласія князя, послалъ выгнать его изъ пещеры и изъ предѣловъ Емесшскихъ. Инокъ аріанинъ умолялъ посланныхъ дозволить ему остаться тотъ—день въ пещерѣ, обѣщаясь утромъ самъ выйти; испросивши такое дозволеніе, онъ ночью закопалъ водоносъ со св. главою глубоко въ землю, въ той же пещерѣ, надѣясь прити въ другое время въ пещеру, вынуть водоносъ, и опять продолжать святотатственно пользоваться чудесами отъ нея. Но намѣреніе его не сбылось.

Какъ только вышелъ онъ изъ пещеры, тотчасъ поселились въ ней благовѣрные и добродѣтельные иноки, и еретику нельзя было войти въ пещеру и похитить сокровище, сокрытое въ землѣ.

По прошествіи долгаго времени, при этой пещерѣ устроился монастырь; но о честной главѣ свят. Предтечи, находящейся подъ спудомъ, никому не было извѣстно. Въ послѣдствіи времени, обрѣлъ ее архимандритъ той же Емесійской обители Маркеллъ, о чемъ онъ самъ повѣствуетъ слѣдующее:

„Въ 18 й день м. февраля, въ средонустную седмицу великой четыредесятницы, ночью во снѣ было мнѣ слѣдующее видѣніе: Я видѣлъ врата нашей обители—всѣ отверстыми, съ трещетомъ я думалъ выйти ихъ затворить;—и вотъ вдругъ вижу рѣку, текущую во врата обители, и удивлялся, откуда такое множество воды; и когда размышлялъ объ этомъ, услышалъ гласъ многихъ чиновъ, идущихъ съ шумомъ по водамъ къ намъ отъ востока и говорящихъ, каждый своимъ языкомъ громко: Се св. Іоаннъ Креститель Христовъ является! Съ сими словами небесные чины вошли въ монастырь. Я оставивши ворота и видѣніе рѣки, объятый страхомъ, взошелъ на верхъ лѣстницы, и стоя на ней, казалось мнѣ, видѣлъ въ обители два двора, одинъ на западъ, другой на югъ, и среди ихъ великую церковь, въ которую входили они со двора къ западу, и поклонившись въ церкви, выходили въ южную дверь,—и когда вышли, я опять

слышалъ гласъ другихъ чиновъ, вызывающихъ: Се святой великій Иоаннъ Креститель! Воззрѣвши, увидѣлъ св. Великаго Предтечу въ церкви и съ нимъ другихъ двухъ, — одного по правую сторону, а другаго по лѣвую. Тотчасъ *чинове*, каждый по одному подходилъ къ Нему и принималъ благословеніе. Подумалъ я въ себѣ приступить къ Великому, св. Иоанну Крестителю и получить благословеніе отъ Него, и послѣ всѣхъ, вшедши иными дверьми со страхомъ и трепетомъ, преклонивши главу свою предъ нимъ до земли, прикоснулся къ ногамъ Его. Онъ поднявши меня, любезно обнялъ, касаясь моей бороды и моихъ устъ своими святыми устами, и вынувши изъ своихъ нѣдръ сосудъ, наполненный медомъ, подаль мнѣ, говоря: прими благословеніе! И сказавши сіе, пошелъ далѣе. Когда я шелъ въ слѣдъ Его, то видѣлъ огненный столбъ, идущій впереди Его; — и, объятый страхомъ проснулся. По наступленіи дня, я повелѣлъ братіи пѣть вечеромъ псалмы, положенныя обычнымъ правиломъ, по стихамъ. Когда они пѣли, — то братъ Исаакій, поднявши глаза свои, увидѣлъ чрезъ окно огонь, горящій въ церкви святой пещеры, въ которой честная глава св. Иоанна находилась сокрытою, — о чемъ мы ничего не знали, и вдругъ воззвалъ ко мнѣ, говоря: Господине мой Отче! вотъ я вижу въ вертепѣ горящій огонь! Я ему отвѣчалъ: не бойся брате, но знаменай себя крестнымъ знаменіемъ, и молчи!

Спусти пять дней, когда я спалъ, въ полночь чья-то рука три раза меня толкнула въ правое бедро, и слышалъ гласъ, глаголющій: «Вотъ я даровался вамъ! вставши, слѣдуй за звѣздою, которая пойдетъ впереди тебя, и куда она приведетъ тебя, тамъ раскопай землю, и обрѣтешь меня!» Со страхомъ и трепетомъ воспрянувши отъ сна я сѣлъ, и увидѣлъ звѣзду, стоящую предъ дверьми келліи моей, и съ великимъ страхомъ, положивши крестное знаменіе на себѣ, вышелъ; звѣзда шла предомною, и я, слѣдуя за нею, вошелъ въ пещеру; звѣзда, доведши меня до мѣста, гдѣ была сокрыта честная глава свят. Предтечи, стала невидимою. Я, павши лицомъ на землю предъ Господомъ, долго молился. Зажегши свѣчу и ѳиміамъ, взявши заступъ, призвавъ Господа на помощь, началъ копать; во время моего копанія былъ слышенъ звукъ и великій шумъ, и земля казалась какбы мѣдною. Долго съ трудомъ копая, я открылъ камни, которыя вынувши, увидѣлъ каменную доску, — вынувши ее съ великимъ трудомъ, обрѣлъ священный и манноносный сосудъ (водоносъ), въ которомъ находилась честная и достоуважаемая глава Предтечева. Объятый радостію и страхомъ, я взялъ свѣчу и ѳиміамъ, и дерзнувши осязать ее, поклонился, и опять по-

крывши водоносъ, вышелъ изъ пещеры. При выходѣ моемъ, у дверей встрѣчаетъ меня честнѣйшій архимандритъ Геннадій, пришедшій въ нашу обитель, и воротивши меня опять въ пещеру, сотворилъ молитву, по окончаніи которой, началъ мнѣ рассказывать слѣдующее свое видѣніе: «Видѣлъ я, что мы оба стоимъ на этомъ мѣстѣ, и что здѣсь—множество ячменнаго хлѣба чистаго и свѣтлѣйшаго паче солнца, и множество народа, входящаго въ пещеру и получающаго отъ насъ оныя хлѣбы, которые не только не оскудѣвали, но болѣе умножались». Слышавъ сіе отъ аввы Геннадія, я понялъ, что таковое видѣніе означаетъ неоскудную благодать св. Іоанна Крестителя, имѣющую обильно изливаться на всѣхъ отъ сего мѣста; и рассказавши взаимно и свое видѣніе, показалъ ему обрѣтенное на семь мѣстъ драгоценнѣйшее сокровище, которое увидѣвши онъ, весьма обрадовался. Мы совѣтовались между собою, какъ намъ поступить въ такомъ случаѣ: мнѣ казалось благоразумнымъ никому неоткрывать открытой нами тайны, даже самому Емессійскому епископу Уранию,—но только объявить о семь блаженному старцу отцу Стефану, который въ Даромійскомъ монастырѣ отличался болѣе всѣхъ постническимъ подвигомъ, и чтобы онъ—самъ передалъ тайну обрѣтенія честной главы св. Предтечи Епископу, для котораго онъ былъ дружелюбнымъ собесѣдникомъ. Пришедши въ Даромійскій монастырь, мы не застали аввы Стефана, онъ отправился посвятить другіе свои монастыри. Мы послали за благоговѣйнымъ діакономъ Кириакъ, который въ градскомъ, соборномъ храмѣ былъ первымъ; пришедши къ намъ и цѣловавъ насъ о Христвѣ, онъ рассказалъ свое видѣніе, во всемъ подобное видѣнію аввы Геннадія; мы съ своей стороны рассказали ему о обрѣтеніи свят. главы Предтечевой. Діаконъ Кириакъ и авва Геннадій—совѣтовали извѣстить о семь Епископа; но я поджидалъ, пока возвратится авва—старецъ Стефанъ,—и мы прождали пять дней. По наступленіи субботы, когда мы между собою бесѣдовали, вдругъ, я, пораженный внезапною болѣзнію, палъ на колѣни, такъ что немогъ ни встать, ни дѣлать что либо,—но лежалъ. Геннадій и Кириакъ, удивленные такою моею внезапною болѣзнію, обратились къ Богу съ молитвою о мнѣ; по молитвѣ, сказали мнѣ: не говорили мы тебѣ, что тайну обрѣтенія честной главы св. Предтечи нужно открыть Епископу? Услышавши это, я осудилъ себя и скорбѣлъ, что поступилъ несправедливо, умолчавши о такой тайнѣ такъ долго, которую слѣдовало бы открыть тотчасъ во славу Божию; но болѣзнь моя не проходила. Насталъ вечеръ,—и по обычномъ—вечернемъ пѣніи, пришли ко мнѣ честнѣйшіе оныя мужи—Геннадій и Кириакъ, и сказали, что они—оба поклялись извѣстить Архіерея

о сей тайнѣ, во время утрени, прежде солнечнаго восхода;—и имѣ отвѣчалъ, что совѣтъ вашъ благъ, и да будетъ такъ. Какъ только объявилъ имъ таковое согласіе—болѣзнь моя измѣнилась, и я сдѣлался здоровымъ, и вмѣстѣ съ ними, весьма рано пошелъ въ городъ; и встрѣтивши Епископа, выходящаго изъ церкви отъ утренней службы, рассказали ему подробно объ открытіи честной главы св. Предтечи. Епископъ, исполнившись великой радости, повелѣлъ намъ, никому не открывая объ этомъ итти въ обитель; а самъ, утромъ, съ пресвитерами и діаконами пришелъ въ нашъ монастырь, и соборнѣ совершивши святую службу, приступилъ къ тому мѣсту, въ которомъ находился сосудъ съ святою главою. Когда діаконъ возгласилъ: «Преклоните колѣна Господу помолимся», всѣ приклонились до земли. Епископъ Ураній, по окончаніи молитвы, вынулъ изъ нѣдръ земныхъ сосудъ съ честною главою св. Предтечи. Съ Епископомъ былъ пресвитеръ, именемъ Малхъ, который не вѣрилъ, что эта—глава св. Предтечи, говоря: откуда быть здѣсь главѣ Предтечевой? И дерзнулъ положить свою руку на водоносъ и коснуться волосамъ честной и всехвальной главы;—и тотчасъ, за невѣріе его, прикоснувшаяся рука усохла и пристала къ водоносу. Видя такое чудо всѣ весьма удивились; Епископъ, со всѣми предстоящими, началъ прилежно молиться о помилованіи невѣровавшаго пресвитера, —и наказанный за невѣріе едва могъ оторвать свою руку отъ водоноса, а между тѣмъ остался больнымъ. Богоугодный пастырь—Епископъ, со всѣмъ церковнымъ причтомъ, взявши священный водоносъ съ лежащимъ въ немъ сокровищемъ, принесъ въ святую церковь и положилъ въ священномъ мѣстѣ алтаря. Сосудъ съ честною главою св. Предтечи находился на этомъ мѣстѣ до того времени, пока выстроенъ былъ въ г. Емесѣ великолѣпный храмъ во имя святаго Іоанна Предтечи. Предъ тѣмъ временемъ, какъ св. глава имѣла быть перенесена въ новый храмъ, св. Іоаннъ Креститель явился въ видѣннѣ невѣровавшему пресвитеру Малху, и повелѣлъ ему, во время перенесенія, возложить на водоносъ больную руку и она исцѣлѣеть. Что сдѣлавши, пресвитеръ тотчасъ получилъ исцѣленіе».

Вотъ что повѣствуетъ о второмъ обрѣтеніи честныя главы святаго Іоанна Предтечи, архимандритъ Емесійской обители при вертепѣ блаженный Маркеллъ! Таковое обрѣтеніе случилось 24-го февр. 452 г. (†431 г.) въ царствованіе Маркіана. (Чет. мин. 24 фев.

Подобное повѣствуетъ и св. Іоаннъ Метафрастъ въ описаніи жизни преподобной Матрены, жившей въ 911 г. въ царство-

ваніе Льва великаго (9 го нояб.) По прошествіи многихъ лѣтъ св. глава Іоанна Предтечи, изъ гор. Емессы, торжественно была перенесена въ Константинополь, и въ церкви, великолѣпно устроенной царемъ, во имя св. Іоанна Предтечи, была положена.

Третье обрѣтеніе честныя главы святаго, славнаго пророка, Предтечи и Крестителя Іоанна, православная церковь празднуетъ 25 го мая.

Яко Божественное сокровище сокроенное въ земли, Христось откры главу твою намъ, Пророче и Предтече: вси убо сошедшеся въ сея обрѣтеніе, пѣсньми богоглаголивыми Спаса воспоймъ, Спасющаго насъ отъ тлѣнія молитвами твоими. (Троп. гл. 4).

Когда настала иконоборная ересь, заразившая и самаго царя, когда не только святыя иконы, но и мощи святыхъ были сожигаемы, въ моря и рѣки повергаемы, ногами попираемы и различнымъ образомъ безчестуемы; тогда нѣкоторые изъ правотѣрныхъ, бѣжа изъ царскаго града, исполненнаго ересью, тайно взяли съ собою главу св. Іоанна Крестителя и принесли въ Команы, гдѣ нѣкогда скончался св. Іоаннъ Златоустъ, и вложивъ съ серебрянный сосудъ, скрыли въ землю. Когда греческій царь Михайль, сынъ Θεофила и мать его Θεодора царица, возстановили православное почитаніе иконъ и святыхъ, въ ихъ царствованіе честная глава Іоанна Предтечи Господня, по особенному Божественному откровенію, опять была обрѣтена 25 мая въ 867 году, и перенесена въ Царь-Градъ святѣйшимъ цареградскимъ Патріархомъ Игнатіемъ. (Сенаксар. 25 мая).

Итакъ, память святаго, славнаго Іоанна Предтечи и Крестителя православною церковію празднуется шесть разъ въ году: 1) Зачатіе его 23-го сентября; 2) Рождество 24 іюня; 3) Ускновеніе 29 августа; 4) Соборъ 7-го января; 5) Первое и второе обрѣтеніе честныя главы 24 февраля; 6) Третье обрѣтеніе оной 25 го мая.

Законополагаяй людемъ спасеніе въ раскаяніи, Предтече, прегрѣшеній бывшее, посредѣ закона и благодати сталъ еси, сего ради молимъ тя: образи покаянія насъ просвѣти. (Кан. пѣсть 65, троп. 3).

1872 года.

МОРЕ И ЖИЗНЬ.

Житейское море, воздвигаемое зри напастей бурей, къ тихому пристанищу
Твоему притекъ, волю ти: возведи отъ тли животъ мой, Многомилостиве.
(Пѣснь 6-я изъ канона на погроб. умершихъ).

Земная жизнь наша уподобляется морю. И—какое сходство?! Предѣла моря мы не видимъ: онъ далеко скрывается отъ глазъ. Человѣкъ не видитъ и не знаетъ предѣла своей жизни,—близокъ ли, далѣкъ ли, умрѣтъ ли онъ младенцемъ, невиннымъ дитятею, рѣзвымъ отрокомъ, легкомысленнымъ юношею, здравомыслящимъ мужемъ, или въ посвѣдѣвшей старости сложить свою жизненную ношу;— всё это сокрыто отъ него,— и не смотря на строгую наблюдательность надъ самимъ собою, остаётся для него неразгаданнымъ. Представляя неизбежную смерть, человѣкъ желаетъ иногда приподнять завѣсу будущаго: когда умрѣтъ, какъ умрѣтъ, гдѣ умрѣтъ; но на всѣ эти вопросы сердце отвѣчаетъ словами вѣры, что день смерти никому неизвѣстенъ,—и что онъ часто внезапно поражаетъ насъ среди полнаго удовольствія и наслажденія жизнью: Рече же ему (богатому) Богъ: безумне, въ сію ночь душу твою истяжутъ (возмутъ) отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ? (Лук. XII, 20). Море— стихія не постоянная, —то возмущающаяся, то тихо и не замѣтно движущаяся и спокойно несущая на водахъ своихъ корабли мореплавателей,—то внезапно обуреваемая грозными волнами, и разбивающая оные. Какъ похожа жизнь человѣческая, въ своемъ непостоянствѣ, на море! Счастливецъ, какъ-бы на парусахъ богатства, весело плывѣтъ по морю жизни, наслаждаясь благами міра; но нежданно воздвигается сокрушительный вѣтръ напастей,—и довольство счастливица, какъ паръ улетаетъ, какъ тѣнь исчезаетъ. Въ чертогахъ, гдѣ было одно благоденствіе, слышны были звуки радости и веселія,—неожиданно раздаётся вопль и сѣтованіе на внезапную, горькую перемену;—и напротивъ,—несчастный, угнѣбленный бѣдностію и всѣми нуждами, иногда внезапно озаряется свѣтлымъ лучемъ радости, счастливое довольство посѣщаетъ и его бѣдную хижину;—и вмѣсто слѣзъ и скорбей, бѣдное семейство проливаетъ благодарныя слѣзы предъ Всеблагимъ Промыслителемъ за ниспосланные ему дары.—Море всегда движется

и не стоит неподвижно, — тихія ли, бурныя ли воды оно несётъ въ общую массу водъ океана. — И жизнь человѣка течётъ, не останавливаясь: дни не возвратно смѣняются днями, мѣсяцы и годы не смѣнно и стройно, безъ возврата, текутъ въ неизмѣнномъ порядкѣ, — какъ бы не оставляя слѣда, а между тѣмъ внося сѣмя тлѣнія въ вещественную природу, и приближая оную къ тому страшному и ужасному мгновению, когда звѣзды будутъ съ небесе спадающе и сиды, яже на небесѣхъ, подвижутся, (Марка XIII, 25), когда стихіи сжигаемы разорятся, земля же, и яже на ней дѣла сгоритъ, ... и откроется новое небо и земля — (2 пос. Петр. III, 10, 13). Жизнь всего человѣчества и каждаго въ частности непрерывно движется: умъ въ области познаній, сердце въ области вѣрованій и убѣжденій, воля въ области желаній и дѣйствій. На пользу ли, на вредъ ли спасенію души совершается это непрерывное движеніе; но человѣкъ, съ каждымъ днемъ, становится ближе къ могилѣ, — къ тому времени, когда предстанетъ на судъ Божій дать отвѣтъ за свою жизнь. Человѣчество, подвигаясь впередъ на пути житейскихъ познаній, быстрыми шагами приближается къ тому печальному времени, когда, по словамъ Спасителя, едва Онъ обращать вѣру на землѣ. (Луки XVIII. 8).

Житейское море воздвигаемое зря напастей бурю, къ тихому пристанищу Твоему притекъ вопію ти: возведи отъ тли животъ мой, Многомилостиве.

Кто это — утомленный тяжелою борьбою съ волнами житейскими, подъ бременемъ жизненной ноши, — притекаетъ къ Твоему тихому пристанищу, Господи, и съ радостію вопіеть — возведи отъ тлѣнія животъ мой?! — Это всякій человѣкъ, — и въ особенности христіанинъ! Адамъ, изгнанный изъ рая, за неисполненіе заповѣди Божіей и обреченный на трудную въ потъ работу, для пріобрѣтенія пищи и одежды, скоро почувствовалъ неудобноносимое бремя житейскаго моря, скоро ощутилъ болѣзнь сердца, — и притекая къ тихому пристанищу — вѣрѣ въ грядущаго Мессію, ожидая скораго Его пришествія, сгарая таковымъ ожиданіемъ, — онъ, съ надеждою на исполненіе своего чаянія, родивши сына Каина, сказалъ: стяжахъ человѣка Богомъ (Быт. IV I). Всѣ избранные Божіи патріархи, Судіи, цари и благочестивые Израильтяне, въ этой вѣрѣ об-

рѣтали тихое пристанище, отраду и утѣшеніе. Въ сей (вѣрѣ) свидѣльствована была древнии, говорятъ ап. Павелъ, — и даже, — по вѣрѣ умроша сіи вси, не приѣмше обѣтованій, но издалеча видѣвши я, и цѣловавши и исповѣдавши, яко страннии и пришельцы сугь на земли. (Евр. XI. 2, 13). Богодуховный пророкъ и царь Давидъ, испытанный въ особенности бурю житейскихъ напастей, во многихъ псалмахъ вопіеть о помощи Божіей: помилуй мя Господи, яко скорблю, смягчя яростию око мое, душа моя и утроба моя. Яко исчезе въ болѣзни животъ и лѣта моя въ воздыханіяхъ: Изнеможе нищетою крѣпость моя, и кости моя смятошася. Азъ же на тя Господи уповахъ, рѣхъ — Ты еси Богъ мой. (Псал. XXX. 9, 10, 14).

Но что сказать о прочихъ народахъ языческихъ, которые не имѣли истиннаго богопознанія? Поклоняясь идоламъ, они глубже и глубже погружались въ тину печестія, между тѣмъ подавлявшая ихъ, тяжесть волнъ житейскаго моря, пробуждала иногда въ нѣкоторыхъ сознаниѣ лучшаго — будущаго времени, и заставляла чувствовать нужду въ Спасителѣ — Избавителѣ отъ всюду разливагося зла. Индійцы ожидали, что при концѣ теперешняго вѣка грѣховъ, богъ Вишну явится во плоти, раздавить великаго змія, и оснуетъ великое царство, пока наконецъ невозвратится въ высшіе предѣлы неба. Персы ожидали человека — Ошандерберга т. е. человека мира, который украситъ ихъ религіею и правдою. Самъ Конфуцій далъ своимъ ученикамъ торжественное увѣреніе, что придетъ съ небесъ святой, который будетъ знать все и получить всюкую власть на небѣ и на землѣ. Китайскія книги называютъ Его превосходнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ человекомъ, перворожденнымъ. Онъ обновитъ вселенную, измѣнитъ общественныя нравы, пострадаетъ за грѣхи міра, умретъ среди страданій и поруганій и откроетъ небо. Народы ожидаютъ его, какъ поблѣкшія растенія дождя. Сократъ, Платонъ, Аристотель и другіе древніе философы тщетно искавшіе на землѣ истины и благочестія, тщетно сличившіеся побороть въ себѣ преобладающій порокъ, сознавали и выражали, что только Богъ, сошедши на землю, силенъ уврачевать всеобщую порчу человечества. Виргилій, въ своей четвертой эклогѣ воодушевленными словами прославляетъ наступленіе великаго міра во вселенной и привѣтствуетъ будущаго возстановителя міра. Светоній,

Тацитъ и Иосифъ Флавій единогласно упоминають о распространенномъ сказаніи, что отъ Иудей изыдетъ вождь. (Духов. Бесѣда 1867 г. Февр. № 8).

Итакъ всѣ люди, и до пришествія на землю Спасителя, зря житейское море, воздвигаемое напастей бурю, притекали сознаниемъ и сердцемъ, такъ или иначе, къ одному тихому пристанищу—вѣрѣ въ будущаго избавителя отъ тлѣнія грѣховнаго, — растлѣнной грѣхомъ природы человѣческой; и отъ Него единственно ожидали исцѣленія отъ всеобщей язвы пророка.

XX. Какого же намъ—христіанамъ искать тихаго пристанища, уже обрѣтшимъ таковое, намъ—чадамъ Божиимъ, покоющимся на лонѣ любви Божіей? Съ самаго младенчества, мы обрѣли тихое пристанище въ объятіяхъ своей матери церкви, и по морю жизни плывемъ безопасно, какъ Ной въ ковчегѣ.—Но море и нашей жизни не стоитъ тихо и неподвижно: непрерывныя бури напастей волнуютъ его и грозятъ опасностію крушенія нашему житейскому челну. Въ самихъ себѣ мы ощущаемъ свирѣпаго врага, безпрестанно потопляющаго насъ въ волнахъ грѣховныхъ; душа наша содержитъ въ себѣ погибельныя сѣмена духовнаго растлѣнія, и добровольно влечется въ бездну беззаконія; тѣло растлѣнное грѣхомъ еще болѣе усиливаетъ таковое влеченіе ко грѣху, и для души составляетъ, по большей части, не друга и вѣрнаго спутника, а непримиримаго врага и коварнаго лстеца; а міръ, окружающій насъ и лежащій во злѣ?! Не дремлетъ лукавый его обычай обольщать немощное наше произволеніе мнимыми наслажденіями; опутывая грѣховными, но пріятными увлеченіями, онъ порабощаетъ наше сердце, и, такъ сказать, въ корнѣ подтачиваетъ благодатное древо духовной жизни нашей. Крѣпко стоитъ на стражѣ сильный во злѣ діаволь, на всѣхъ путяхъ жизни, насъ преслѣдующій, искушающій, обольщающій. А брань съ духомъ времени, съ роскошью и расточительностію, съ своемысліемъ, то порочнымъ, то святотатственнымъ и кощунственнымъ?!. Не есть ли это—страшныя, внѣшнія обуреванія, потрясающія, а иногда разбивающія нашъ утлый челнъ жизни?—Христіанинъ часто испытываетъ бурю несчастій и внѣшнихъ бѣдствій: болѣзни, бѣдность, потерю чести, преслѣдованіе и недоброжелательство, ненависть и

мщеніе враговъ. И можно ли ему, окруженному отвсюду бдами, не вопіять къ Господу о помощи, утѣшеніи и укрѣпленіи? Можетъ ли онъ, безсиленъ на доброе, а сильный на злое, побуждать таковыя испытанія безъ Твоей, всемогущей, вседѣйствующей благодати, Господи? Нѣтъ! По словамъ апост. Павла, еже хотѣти прилежити ми; а еже содѣяти доброе, необрѣгаю. Не еже бо хочу доброе, творю: но еже не хочу злое, сіе содѣваю. (Римл. VII. 18, 19). Итакъ, притекая къ Тебѣ, Господи многомилостивый, тихое мое пристанище, изъ глубины души вопію: возведи отъ глѣбнїи животъ мой! Для христїанина—земнаго странника, постоянно обуреваемого бурными помыслами, страстями,—тихое пристанище—есть Христова церковь; какъ Ноевъ корабль, плавая по океану міра, она принимаетъ къ себѣ всѣхъ притекающихъ къ ней; имѣя корчимъ Всемогущаго Господа нашего Іисуса Христа, повелѣвающаго всѣми стихїями, она во всѣ времена составляла, составляетъ и будетъ составлять вѣрное, тихое пристанище для обуреваемого житейскими волнами человѣчества. Простолудинъ, не посвященный въ знаніе находитъ въ ней и учителя, и утѣшителя; юнша обрѣтаетъ въ ней и ходатая, и руководителя; опытный на житейскомъ морѣ мужъ, зная скользскіе пути жизни, прибѣгаетъ къ ней, какъ тихому, безмятежному и всегда надежному пристанищу; постѣдшїй старикъ, обремененный тяжелою ношею жизни, въ ней упокоивается, какъ младое дитя въ объятїяхъ любящей матери.—Но самое безопасное, тихое, блаженное пристанище—это есть церковь небесная, уже торжествующая побѣду надъ грѣхомъ, куда уже не могутъ достигнуть волны житейскаго моря,—это царствіе небеное, идѣже упоковаются души праведныхъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханїя, но жизнь блаженная—безконечная. Блаженни умирающїи о Господѣ, говоритъ тайновидецъ, ей глаголю, почиють отъ трудовъ своихъ (Апокал. XIV. 13). Черезъ смерть, изъ сей тревожной, мятежной жизни, мы переходимъ къ жизни тихой, блаженной на небѣ.

Возведи отъ тли, животъ мой, Многомилостиве! Къ тебѣ—Всемогущій, Всеблагій Спасителю нашъ, прибѣгаю я, кающїйся грѣшникъ! Умъ мой, постоянно сокрушаемый бурными помыслами на житейскомъ морѣ, укроти сознаниемъ моего безсилїа и плѣни въ

послушаніе вѣры! Сердце мое исполненное любострастія и всякихъ печистыхъ вожелѣній, возведи на высоту добрыхъ чувствованій и горнихъ стремленій! Волю мою, растлѣнную беззаконіемъ, преклони къ добрымъ желаніямъ и воздвигни ее на подвиги самоотверженія и самоумерщвленія!—Для каждаго христіанина предстоить смерть, а потомъ судъ;—не изведи меня изъ сей жизни, преждевременную смертію, непокаявшимся! Накажи, испытай, разгнѣй утробы моя здѣсь—на землѣ, и не воздаждь по грѣхамъ моимъ, на нелицепріятномъ судѣ Твоемъ, по смерти моей!—Вопію день и ночь, возведи отъ тли животь мой, Многомилостиве—Спасителю мой! Ты, самъ Господи Спасителю нашъ, на житейскомъ морѣ испыталъ обуреванія его; ища моего спасенія, приведи меня, чрезъ благовременную смерть, къ Тебѣ, тихое мое пристанище, и избави меня отъ огня геенскаго! Милость Твоя безмѣрна и правосудіе немудитное; кающійся грѣшникъ обрѣтаетъ въ Тебѣ тихое пристанище, а нераскаянный—грознаго судію, который въ страшный день всеобщаго суда своего произнесетъ послѣдній—неизмѣнный приговоръ грѣшникамъ: идите отъ мене проклятій во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его. (Матѣ. XXV, 41).

Разбойника рая, Христе, жителя на крестѣ Тебѣ возопивша: помяни мя, предсодѣляя еси покаяніемъ; его—и мене сподоби недостойнаго.

1872-го года.

ИЗЪ ПУБЛИЧНЫХЪ ЧТЕНІЙ

О БЛАЖЕННОМЪ АВГУСТИНѢ ЕПИСКОПѢ ИППОНСКОМЪ.

(Читано публично, 16 янв. 1873 г. съ благословенія Высокопреосв. Архіепископа Серафима).

Продолжая извлекать полезное изъ самой жизни блаж. Августина, мы находимъ, что отличительную черту души его составляла горячая любовь къ истинѣ, устремлявшая всё порывы его юношеской любознательности къ изысканію одной истины какъ въ близкихъ къ нему, такъ и въ отдаленныхъ отъ него по времени, сочиненіяхъ и произведеніяхъ знаменитѣйшихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ. Жажда къ познанію истины не только увлекала Августина къ обширному и подробному изученію различныхъ системъ философовъ и философскихъ школъ, какъ платониковъ, стоиковъ и епикурейцевъ, но была и причиною увлеченія его въ гущу заблужденія вѣры мнимо-христіанскою псевдо-философіею современной ему *Манихейской секты*. ¹⁾ Въ сектѣ Манихеевъ Августинъ думалъ найти разрѣшеніе самаго живучаго во всё время на человечества вопроса *о счастіи* и объ источникѣ блаженства жизни, не находя удовлетворительнаго рѣшенія задачи жизни ни у платониковъ, ни у стоиковъ, ни у всѣхъ языческихъ академиковъ, занимавшихся систематическимъ изслѣдованіемъ и своеобразнымъ рѣшеніемъ вопроса *о верховной* или послѣдней *цѣли* жизни человѣка ²⁾. О истина! истина! взываетъ Августинъ, о какъ искренно стремился къ тебѣ духъ мой всякій разъ, когда они (т. е. ученые философы, академики, ораторы, какъ и Манихейскіе сектанты) толковали о тебѣ на словахъ, или въ огромныхъ книгахъ... «У меня былъ, гов. онъ, внутренний голодъ пищи духовной» ³⁾. Но этотъ

1) Confess. Lib. III. cap. I—VI.

2) Последняя цѣль всѣхъ нашихъ желаній и покаяній есть жизнь блаженная гов. Августинъ Contr. Academic. Retvund. in. 1, 1. 1.

3) Confess. Lib. II.

голодь пиши духовной, тщетно искомый въ сокрушенныхъ и безводныхъ колодезяхъ языческой и вообще свѣтской человѣческой мудрости, былъ утоленъ, какъ изъ обстоятельствъ жизни Августина мы видѣли, только усерднымъ чтеніемъ посланій св. апостола Павла, при помощи предварающей обращеніе къ истинѣ, спасительной благодати Б., на словахъ: *какъ во дни благообразно даждимъ,* 4) освѣтившихъ все существо Августина яснымъ свѣтомъ истины Христовой. Вотъ гдѣ неутомимое стремленіе Августина къ истинѣ, съ помощію спасительной благодати Б., указало ему и прямой путь къ истинѣ, и самую истинну, и истинную жизнь! Во Христѣ, въ Его Божественномъ ученіи, въ Его всеозаряющемъ просвѣщеніи.

Какой назидательный урокъ и примѣръ въ своемъ лицѣ представляетъ въ семь случаевъ блаж. отецъ церкви всему любознательному юношеству нашего времени, славящемуся просвѣщеніемъ и любовію къ просвѣщенію. Въ наше время, можетъ быть болѣе, чѣмъ когда либо, въ *просвѣщеніи, образованности и искусствахъ* очень многія, даровитѣйшія и благороднѣйшія отъ природы души юношей ищутъ, какъ и Августинъ, единственнаго руководства къ истинѣ, добродѣтели и блаженству. Во избѣжаніе сбивчивости и со- вращения на ложный путь чрезъ неумѣренное увлеченіе этими, по видимому, самыми надежнѣйшими и благороднѣйшими *мотивами* человѣческой дѣятельности, заправляющими въ нашъ вѣкъ такъ называемымъ прогрессомъ общественной жизни и *цивилизациі*, всѣ ревнители наукъ, также какъ и покровители общественнаго просвѣщенія и образованности, лучшей на семь пути и благодѣтельнѣйшей, руководственный урокъ, оправданный самою жизнью, находятъ въ лицѣ Августина, который говоритъ: «Одна истинная религія можетъ руководить челоѣка къ истинѣ, *добродѣтели и блаженству*. Во времена христіанства не должно быть недоумѣнія, какой религіи должно слѣдовать. Если бы кто нибудь, выслушавши ученіе Платона о способахъ созерцанія *вѣчной истины* и достиженія *блаженства*, спросилъ его: можетъ ли челоѣкъ распространить это ученіе между людьми такъ, чтобы оно принято было

4) Римл. 13, 13, 14.

всѣми, если не на основаніи разумнаго убѣжденія, то по крайней мѣрѣ вѣрою, то философъ я думаю, отвѣчалъ-бы, что это возможно только для мудрости и силы Божественной. Но религія христіанская, открывающая высочайшія истины Богопознанія, и предписывающая совершеннѣйшій образъ жизни, сдѣлалась господствующею въ мірѣ, покоряя себѣ умы и сердца людей образованнѣйшихъ на равнѣ съ самыми простыми и необразованными. Не ясно ли отсюда, выводитъ Августинъ, что ученіе это есть дѣло Божіе, — что религія христіанская есть Божественная ⁵⁾. Итакъ, заключаетъ онъ, истинной религіи нельзя находить ни у язычниковъ, ни у философовъ, ни у еретиковъ, ни у раскольниковъ, ни у іудеевъ, но въ одной православно-каѳолической церкви. ⁶⁾.

Что-же отсюда слѣдуетъ для всѣхъ ревнителей всесторонняго просвѣщенія науками, жаждущихъ жаждою Августина *духовной* пищи, съ неутолимою алчбой преслѣдующихъ многостороннія отрасли образованности и искусства, въ пріобрѣтеніи и усвоеніи разнообразнѣйшихъ познаній разума надбющихся найти полное успокоеніе духа? Слѣдуетъ то, что внушаетъ голосъ абсолютной истины и опытъ практическихъ мудрецовъ, а не однихъ теоретиковъ, именно, что въ христіанствѣ, выше всякаго просвѣщенія, образованности и художества, должно цѣнить *вѣрное познаніе* христіанской религіи, и — дѣятельное просвѣщеніе *истинами* ученія *Божественнаго* предпочитать всѣмъ плодамъ многосторонней мудрости человѣческой. Откуда-же всѣ родители, ревниво заботящіеся о доставленіи своимъ сынамъ обширнѣйшаго, такъ называемаго *высшаго* образованія, не щадящіе ничего для большаго и высшаго образованія сыновъ, *отцы* и всѣ *покровители* наукъ и искусствъ, жертвующіе всѣми средствами для распространенія просвѣщенія единственно въ видахъ *утилитаризма*, движимые одними цѣлями внѣшними, какъ то — преимущества, достоинства и вліятельнаго значенія въ общественной жизни, а не началами вос-

5) De vera relig. cap. 1—IV.

6) Ibid cap. V—VI.

питанія нравственнаго, основывающагося на развитіи духа *благочестія* и благоговѣнія къ истинамъ *Божественной* христіанской *религии*, изъ устъ самаго Августина слышать упрекъ въ излишней суетности подобныхъ мотивовъ просвѣщенія, упрекъ первоначально-обращенный имъ къ *своему* отцу, а за тѣмъ и ко всѣмъ немѣреннымъ ревнителямъ челоѣческой образованности, въ заботахъ о ней истощающихъ всѣ средства только для того, чтобы какъ можно удобнѣе и блистательнѣе устроить будущее положеніе своихъ сыновъ въ обществѣ, допуская, если не поощряя, подобно отцу Августина, вмѣстѣ съ пошлостію и острою дѣтей и *сенсуалистическое* развитіе силныхъ по зловредныхъ *инстинктовъ* поврежденной челоѣческой природы. «Кто не превозносилъ тогда отца моего, гов. Августинъ, (когда тотъ, при ограниченности своего состоянія, въ единственной заботѣ объ отправленіи Августина для высшаго образованія въ Карфагенъ, не шадилъ никакихъ средствъ къ тому), кто не превозносилъ тогда отца моего за то, что онъ ничего не шадилъ для образованія моего! Но онъ не хотѣлъ обращать вниманіе на мое нравственное состояніе, на частоту моей жизни. Онъ одного только желалъ, чтобы я былъ краснорѣчивъ, а между тѣмъ на 16-мъ году моего возраста, оставаясь, (въ приготовленіяхъ къ пути), совершенно празднымъ, я почувствовала въ себѣ силу страстей, и не имѣлъ руки отъ нихъ охраняющей» 7).

Изъ приведеннаго изъ книги *исповѣданій* Августина мѣста не заключилъ бы кто нибудь, что въ ущербъ истинному просвѣщенію и образованности челоѣческой, *цитованная* здѣсь *рѣчь* склоняется къ неразумному предвосхищенію у наукъ, искусствъ и техники *политической* жизни, ихъ законныхъ правъ на уваженіе къ нимъ, и на ихъ изученіе; что такая *рѣчь* преднамѣренно направлена къ ступшенію не пререкаемыхъ достоинствъ *истиннаго* челоѣческаго просвѣщенія въ пользу исключительности одного нравственно-религіознаго воспитанія юношества. Нѣтъ. Идти на защиту односторонности нравственнаго, или религіознаго воспитанія, съ

7) Confess. Lib. II.

дѣлю задержанія стремленій къ просвѣщенію разума многоразличными полезными познаніями наукъ и искусствъ, значило бы самому себѣ среди тьмы еще завязывать глаза, бурный потокъ задерживать паутиною тканью. Просвѣщеніе и образованность во все историческія времена, какъ и въ вѣкъ Августина, имѣли своихъ многочисленныхъ агентовъ, у всехъ гражданственныхъ народовъ высоко цѣнились и цѣнятся, и, умноженіе многоразличныхъ познаній разума человѣческаго, всегда составляетъ одно изъ *высшихъ* благъ и лучшихъ украшеній человѣчества какъ потому, что познанія суть плодъ *мудрости*, такъ и потому что они же служатъ надежнѣйшимъ и лучшимъ средствомъ къ обрѣтенію многихъ высшихъ благъ и благороднѣйшихъ удовольствій на мѣсто грубыхъ наслажденій чувствъ. Потому то никогда образованности не предпочиталась грубость, просвѣщенію — невѣжество и дикость, изящному и симпатично — приятному тону въ манерахъ, словахъ и движеніяхъ, гормоніи въ обращеніи и поступкахъ — небрежность, безтактность, пренебреженіе законами приличія и нравственный цинизмъ: это также какъ никто никогда не можетъ предпочесть тьму — свѣту, не совершенства — совершенству, низости — достоинству и величію, безобразія — прекрасному. Это потому, что благородство богодарованныхъ и богоподобныхъ духовныхъ силъ врождено человѣку также, какъ и стремленіе къ совершенству, и черты своего превосходства надъ всеми совершенствами созданій одушевленной и неодушевленной, ви имой, чувственной природы. Вотъ почему просвѣщеніе, образованность, художество какъ выраженіе духа *любомудрія* и силы *творчества* проистекая изъ чистаго источника мудрости уже сами по себѣ составляютъ одно изъ высшихъ благъ человѣка тѣмъ, что чѣмъ болѣе они развиваются, тѣмъ больше умножаютъ свѣтъ мудрости, и служатъ источникомъ и средствомъ къ легчайшему познанію и приобрѣтенію многихъ благъ внѣшнихъ, и безкорыстныхъ удовольствій душевныхъ.

Не напрасно само Богооткровенное и священно-библейское ученіе ублажаетъ мудрость и приписываетъ ей самыя возвышенныя похвалы, когда говоритъ: *Блаженъ тотъ человекъ, который ищетъ премудрость, и тотъ смертный, который приобрѣтъ знанія*, (Притч. 3, 13); поощряетъ искателей мудрости, говоря,

что мудрость человека просвѣтитъ лицо его (Еккл. 8, 1), лице разумное у мужа мудраго (Притч. 19, 24), престоль чувствованія и свѣтлаго сознанія у мужа разумнаго (12, 23), вождѣнное хранится сокровище въ устахъ мудраго (21, 20), совѣтують въ сонмищахъ мудрые (24, 8), разсуждаетъ враждующіе народы мужъ мудрый (29, 9);—говорить что преизбытокъ мудрости столько-же лучше глупости, какъ преизбытокъ свѣта передъ тьмою (Еккл. 2, 13), *прецѣненіе* премудраго лучше *пльня* глупыхъ (7, 6), мудрость—благо лучше силы (9, 16), слова мудрыхъ въ покоѣ, съ нѣмымъ безмолвіемъ выслушиваются, лучше крика и угрозъ безразсудныхъ властителей (17, еще смотр. 10, 1, 2), слова угъ мудраго—благодать (гл. 10, 2), и великое богатство мужу—мудрость (11), (см. премудр. Сол. гл. 6, 12, 15. 20; 7, 8. 12, 28—30. гл. 8-я,—9, 4. Сир. 11, 1—14, 21).—Истинный мудрецъ, коему опытно стали извѣстны всѣ эти качества мудрости, который обильнѣе и полнѣе всѣхъ мудрецовъ міра вкусилъ отъ плодовъ всесторонняго знанія, увѣряетъ, что мудрость поможетъ мудрому, лучше десяти градоначальниковъ (Еккл.—7, 20), что мудрый входитъ въ крѣпкіе города и разрушаетъ твердыни, на которыя надѣялись нечестивцы (Притч. 21, 22), что одевъ, въ малолюдномъ, осажденномъ отъ непріятеля,—городѣ, нашедшійся мудрый, спасаетъ свой городъ отъ осады сильнѣйшаго царя съ многочисленными войсками, съ искусно-устроенными и крѣпкими бойницами и неотразимыми никакимъ оружіемъ приступами (Еккл. 9, 14, 15), а потому мудрость лучше всякой силы и всѣхъ воинскихъ орудій (16, 18); ибо ею отвращается гнѣвъ отъ городовъ и цѣлыхъ народовъ; ею уклоняется мудрый при наступленіи общественныхъ бѣдствій отъ злополучія (Притч. 27, 12; 28, 2. 26, 28; 24, 3—5), въ силу чего надежда мудраго никогда не оставляетъ и во всѣхъ случаяхъ онъ сильнѣе самаго крѣпкаго царя и благонадежнѣе самаго искуснѣйшаго и величайшаго землевладѣльца (24, 5. 14; 22, 29). По всѣмъ этимъ свойствамъ сынъ мудрый веселитъ отца и мать (Притч. 10, 1, 23, 23). А при тѣхъ многочисленныхъ плодахъ и благахъ, какія доставляются мудростію приобрѣтеніе самой мудрости (гл. 3, 15) несравненно дороже драгоценныхъ камней (притч. 2, V, 2), досточестнѣе сокровищъ золота и серебра, (гл. 3, 14) такъ какъ въ правой ея рукѣ многолѣтіе благополучной жизни, въ

лѣвой богатство и слава (гл. 8, 16; 22, *), такъ что все, что есть на землѣ досточестнаго не можетъ въ достоинствѣ идти ни въ какое сравненіе съ нею (гл. 8, 12), а напротивъ сама она столько привлекательна и благородна, что своимъ благородствомъ какъ бы свѣтлымъ нѣкоторымъ ореоломъ осіяваетъ всѣхъ приближающихся, къ ней (Притч. 3, 15; 21, 22).

Кто нибудь, можетъ быть, не могъ бы вполне понять всѣхъ этихъ достоинствъ всесторонней мудрости, поставляющихъ ее выше всѣхъ благъ и сокровищъ міра, и почелъ бы себя вправѣ всѣ эти похвалы оней принять за библейское преувеличеніе, но понятію нѣкоторыхъ свойственное восточному образу рѣчи, если бы, на пространствѣ протекшихъ вѣковъ и на опытѣ славнаго просвѣщеніемъ настоящаго вѣка, мы не знали и не видѣли самыхъ богатыхъ, и разнообразныхъ, и вмѣстѣ удивительныхъ плодовъ наукъ и искусствъ, словомъ плодовъ мудрости. Не только изъ исторіи прошедшаго мы узнаемъ, что достигнутыя знаніями всякаго рода изобрѣтенія и открытія, науки и искусства прославили и увѣковѣчили навсегда память многихъ знаменитѣйшихъ философовъ—мудрыхъ народныхъ вождей истины, многихъ, великихъ правителей народовъ, законодателей, полководцевъ, необыкновенныхъ судей, государственныхъ политиковъ, защитниковъ царствъ, странъ, областей и городовъ; но изъ современнаго намъ опыта, а ничуть не изъ древней мифологіи, мы видимъ, что просвѣщеніе и образованность, кромѣ всѣхъ другихъ благъ и пользы, сообщаетъ человѣку господство и надъ самою природою.—Посредствомъ знанія, и разнородной, на всестороннемъ изслѣдованіи силъ и законовъ міра физическаго основанной—техники, просвѣщеніе покоряетъ власти человѣка силы и законы видимой природы, когда на аэростатахъ, подобно орлу, возноситъ его выше горъ и облаковъ въ не досягаемая воздушныя сферы, посредствомъ паровъ почти баснословно сокращаетъ для него пространство и время, укрощаетъ всякое свирѣбое естество звѣрей и гадовъ, изъ ребръ каменныхъ горъ, изъ темныхъ пещеръ и недоступныхъ глубинъ земныхъ, какъ и изъ безднъ океана, извлекаетъ для него всё, таящіяся тамъ сокровища, заставляетъ покорно исполнять его желанія—самыя непокорныя стихіи, какъ воду и воздухъ, дѣлать послушными въ свѣ-

тени газомъ, въ телеграфахъ, физическихъ баттарейхъ самые неуловимые и неосязаемые элементы природы, какъ—свѣтъ и электричество, управляетъ въ водопроводахъ, въ воздушныхъ насосахъ, артиллерійскихъ орудіяхъ самыми могучими дѣятелями (агентами) природы—тяжестью, магнетизмомъ и гальванизмомъ; наконецъ заключимъ, въ телескопахъ открываетъ ему свободный ходъ, или по типичному выраженію Ньютона, дерзко пробиваетъ ему окна въ недосытаемая невооруженному взору, небесныя звѣздныя пространства для измѣренія путей и величинъ солнца и луны, для опредѣленія физическихъ свойствъ тѣлъ небесныхъ, планетъ и кометъ и т. дал. Сообразивъ при семъ, что смѣлая дерзость философовъ, естествоиспытателей, геологовъ и астрономовъ содѣйствовала изобрѣтенію различныхъ благотѣлнѣйшихъ для человѣка орудій, какъ часы, барометры и термометры, громоотводы и компасы, подвижныя телеграфы и т. вод. благотѣнія обществамъ человѣческимъ, возвысившія силу и благоденствіе, богатство и благосостояніе цѣлыхъ царствъ и народовъ, можемъ ли мы не преклоняться съ уваженіемъ предъ величіемъ и великимъ достоинствомъ мудрости и много-знанія; пожиная богатые дары и плоды полезнѣйшихъ познаний, и усваяя готовые результаты ученыхъ открытій, изобрѣтеній и искусствъ. Если къ этому легкому очерку достоинствъ и даровъ просвѣщенія и великихъ, благотѣльныхъ плодовъ мудрости присоединимъ бѣглый взглядъ на произведеніе искусствъ и художествъ, на многочисленныя усовершенствованія способовъ, орудій и средствъ, усиливающихъ производительность самой природы къ возвышенію благополучія цѣлыхъ царствъ и народовъ, преобразующихъ бесплодныя пустыни въ плодоносныя поля, болотистыя равнины—въ цвѣтущія плантаціи, великолѣпныя парки и сады; если представимъ изыщество и богатство произведеній искусствъ, красоту и величіе храмовъ и дворцовъ, удобства общественной и частной жизни отъ искусственнаго устройства фонтановъ и водопроводовъ, артизианскихъ колодцевъ и бассейновъ, безпрепятственно орошающихъ равнины и поля, сады и площади; наконецъ возьмемъ во вниманіе устройство каналовъ, соединяющихъ озера, рѣки и сама моря, и благотѣлія желѣзныхъ дорогъ, шестью многочисленными путями сближающихъ между собою страны и народы, царства и города вмѣстѣ съ богатствами произведеній всѣхъ странъ и

всѣхъ климатовъ, то не можемъ ни сомнѣваться въ дѣйствительномъ богатствѣ и разнообразіи плодовъ доставляемыхъ человечеству результатами мудрости, просвѣщеніемъ, образованностію и искусствомъ. И однакоже при всемъ томъ, должно показать во всей ясности и истинности, что всѣ эти благодѣянія, доставляемыя многоразличными воззрѣніями наукъ, и всѣ плоды просвѣщенія и образованности также какъ и вѣн искусства сами по себѣ, и умножая временное благополучіе странъ и народовъ, богатство, могущество и силу государствъ и народовъ, не могутъ привести человечество къ всеобщему міру и неизмѣнному благополучію, не могутъ и всякаго человѣка приблизить къ послѣдней цѣли его — къ прочному и невозмутимому счастью жизни и блаженству вѣчному. Какой идеаль счастья, мудрости, величія, богатства и славы земной можетъ быть представленъ совершеннѣе и величественнѣе Соломона и его царствованія, и однакожъ онъ говорилъ о себѣ: ни возвеличился, и прилежился мудрости паче всѣхъ бывшихъ прежде мене въ іерусалимѣ и мудрость моя прибысть со мною. И все, что его же просияла очи мои, не отяхъ отъ нихъ, тѣмъ не возбранихъ сердцу моему отъ всякаго веселія моего, яко сердце мое возвеселился во всякомъ трудѣ моемъ, во сіе бысть части моя отъ всего труда моего. И призрѣхъ изъ на вся творенія моя, яже сотвори съ рудъ мои, и на трудъ, имже трудихся творити: и се — вся суета и произволеніе духа, и нѣтъ изобиліе (т. е. нѣтъ ни въ чемъ изъ этого полноты блаженства) подъ солнцемъ: (Эккл. 2, 1—11). Нѣтъ его даже въ одномъ всестороннемъ многознаніи; ибо самое ученіе многое — трудъ плоти (12, 13) ни приложивъ раздзума, приложитъ болѣзнь. Въ чемъ же всемірный проповѣдникъ абсолютной истины поставляетъ верховную цѣль жизни человѣка и человечества и неоскудѣвающей, всеобщій источникъ жизни и блаженства? Вотъ — послѣднее, слово, и простому и мудрому и образованному и необразованному: *бойся Бога и заповѣди его охраняй*; потому что въ этомъ единственно — послѣдняя цѣль и назначеніе всякаго человѣка (Эккл. 12, 13, 14); потому и верховное начало премудрости есть *страхъ Божій*; и основной элементъ всякаго истиннаго познанія и просвѣщенія — составляетъ истинное Божіе познаніе и благочестіе (Еккл. 1, 7, 8), и самое прочное основаніе для счастья состоитъ при этомъ въ постоянномъ охраненіи и

наблюденіи за своимъ сердцемъ (Притч. 4, 23), въ управленіи его грѣховными движеніями и страстями. Потому-то и всякое *тѣлесное* человѣческое *обученіе*, по словамъ апостола *вмалѣ полезно, а благочестіе на все полезно, какъ имѣющее основаніе живота настоящаго и грядущаго*. Потому-то одно просвѣщеніе, образованность и искусства сами по себѣ безъ благоговѣйнаго, вѣрнаго истиннаго Богопознанія, и безъ глубокаго благочестія и страха Божія, и всѣ плоды многообразныхъ познаній безъ богобоязненности и доброй нравственности никогда не спасали и не спасаютъ человѣка и человѣчество отъ бѣдствій и страданій общественныхъ и частныхъ, потому что сами по себѣ никакія знанія и искусства не доставляютъ человѣку самаго высшаго искусства, самаго высшаго блага, — искусства и блага самообладанія, господства надъ мятежными желаніями, управленія чувственными склонностями, свободы духа надъ страстями. Только та мудрость, тѣзнанія и то просвѣщеніе приносятъ всѣ вышеозначенные плоды, удовольствія и пользу, и съ ними найвысшія блага — міръ души, который не отдаляютъ отъ Бога, источника истины и блаженства, но облегчаютъ пути къ лучшему Богопознанію и благоговѣннѣйшему ему служенію и благоугожденію. А всѣ эти пути, и всѣ средства заключаются въ одной Богооткровенной и спасительной религіи христіанской, сообщающей какъ самыя истины Богопознанія, такъ и всѣ средства къ истинному благоугожденію Богу, и къ торжеству духа надъ плотскими влеченіями и пареніемъ чувственныхъ похотей. Въ ней одной можно найти и всѣ основанія для вождѣннаго міра и спокойствія, безъ которыхъ отравляется всякое удовольствіе жизни горечью скорби, въ ней заключается и всѣ залоговѣ невозмутимаго міра и счастья жизни, также какъ и залогъ вѣчнаго блаженства. О такомъ вселенскомъ и вѣчномъ значеніи религіи христіанской свидѣтельствуетъ собственнымъ опытомъ жизни и ученіемъ и блаж. Августинъ, когда говоритъ, что «въ одной православной, каѳолической церкви надобно искать *истины* и въ благодатныхъ средствахъ сообщенныхъ евангельскимъ ученіемъ Господа и его апостолами только и возможно достиженіе искомаго человѣчествомъ счастья. О чемъ онъ самъ, собственнымъ опытомъ убѣдившись говорить: прочитавъ мѣсто изъ св. писанія (Посл. ап. Пав. Рим. 13, 13) я ощутилъ въ душѣ своей

такой сладостный покой и свѣтъ, какъ-бы лучъ солнца возсіялъ въ ней послѣ грозы, который разогналъ весь мракъ мнѣхъ сомнѣній *)).

(Продолженіе будетъ).

А. Ермоленко.

БЕСѢДЫ СЪ ДРУГОМЪ О МОЛИТВАХЪ НА СОНЪ ГРЯДУЩИМЪ *).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Непрестанно молитесь. О всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія о Христѣ Иисусѣ въ васъ, пишетъ апостолъ Павелъ къ Солунянамъ (Фессалоникійцамъ) (1 е. Посланіе V, 16, 17). Обращаясь къ первенствующимъ христіанамъ, мы видимъ, что у нихъ жизнь внутренняя и внѣшняя, домашняя и общественная была точное и неуклонное исполненіе таковой заповѣди апостольской; ни одно намѣреніе ни одно дѣло—не начиналось, не продолжалось и не оканчивалось безъ молитвы: Господи, благослови, Боже очисти мя грѣшнаго, Боже милостивъ буди ми грѣшному, Боже, помилуй мя грѣшнаго! Такія краткія молитвы предваряли ихъ начинанія и житейскія дѣла. И не отъ этаго ли благодатнаго, душевнаго настроенія,—прежніе христіане, въ раскаленной печи языческой злобы оставались невредимыми?! И когда діаволъ воздвигалъ непрерывныя на нихъ гоненія, и когда все въ мірѣ возставало на нихъ, они оставались неуязвимыми. Богъ хранилъ ихъ, какъ зѣницу ока, посылалъ имъ ангеловъ—хранителей, которые хранили ихъ на всѣхъ путяхъ жизни. Просите и будетъ дано вамъ, говоритъ Спаситель. Св. церковь всю нашу жизнь окружила молитвами, а въ извѣстные дни и часы—опредѣлила общественное богослуженіе въ храмѣ; она сопровождаетъ насъ въ самый домъ благожеланіями молитвенными, ограждаетъ самое ложе наше молитвами на сонъ грядущимъ, молитвами утренними, предъ обѣдомъ, послѣ обѣда,—сказать кратко,—завѣщаетъ всегдашнюю, непрерывную, неумолкаемую молитву, моля Бога осѣнить насъ святыми Ангелами, вооружить насъ оружіемъ правды, оградить насъ истинною, соблюсти силою, избавить отъ всякаго навѣта сопротивнаго. (Молит. Васил. Велик. по концѣ вечерни.

8) Lib. Confess. cap. 12.

*) Это сочиненіе, какъ и предъидущіе два—Св. Іоаннъ Предтеча...
Море и жизнь—принадлежать перу покойнаго Дан. Алекс. Лебединскаго.
Доставлены свящ. В. Поцовскимъ.

Пиша къ тебѣ, другъ мой, о молитвахъ на сонъ грядущимъ, — я смелъ не лишнимъ предварить нашу бесѣду нѣсколькими размышленіями о молитвѣ вообще: когда солнце бросаетъ послѣдній свой лучъ на землю, на которой ты такъ часто грустилъ, когда отрадный, теплотворный свѣтъ его скрывается отъ глазъ нашихъ, ты (какъ пишешь ко мнѣ) предаешься еще большей грусти; обезсиленный дневными занятіями, не отрадно ложишься на постель и даешь волю слезамъ, даешь мѣсто печали, которая такъ часто, при твоихъ усидчивыхъ занятіяхъ, овладѣваетъ тобою. Да, другъ мой, для слезъ не закрывай своихъ глазъ, для вздоховъ не сдерживай своего сердца! Твоя печаль глубока, но чиста и безъ пятна. Это вопль твоей души, потерявшей искреннихъ друзей, потерявшей много драгоценнаго въ жизни... и разочаровавшейся въ суетномъ, обманчивомъ мірѣ! Въ своей скорби, ты ищи утѣшенія не въ разсѣянности и удовольствіяхъ міра, — а въ Богѣ, въ молитвѣ! Вспомни, мой другъ, чѣмъ тебѣ заплатили люди за твою довѣрчивость, за твою простоту, за твою любовь?! Сколько сѣдинъ появилось у тебя отъ твоихъ жгучихъ страданій, сколько морщинъ покрыло твое чело отъ мнимо-невинныхъ удовольствій мірскихъ! Чего же еще ты ищешь въ удовольствіяхъ свѣта? Не чрезъ нихъ ли портится характеръ, низращается нравственность и проживается имущество?! И вотъ ты, полный смутныхъ ввечатлѣній, безотчетныхъ думъ, идешь къ себѣ домой! — Да, другъ мой, идешь къ себѣ: потому что мать не встрѣтитъ тебя, съ утѣхою за твое суетное развлеченіе; въ домъ своемъ, ты встрѣчаешь одно суровое одиночество. И ты, усталый отъ цѣлаго дня и вечера, раздѣваешься нехотя, смотришь лико, разсѣяно. И въ этомъ, — одиноко-грустномъ случаѣ — молитва есть Ангелъ — хранитель для души человѣка, она какъ-бы даетъ крылья оземленѣлой душѣ, вознося ее къ небожителямъ, изъ камня сердца точитъ струи благодатнаго умиленія, отраднаго утѣшенія и среди горестей мірскихъ — укрѣпленія и терпѣнія.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Молитву пролю ко Господу, и тому возвѣщу печали моя, яко золь душа моя исполнися, и живогъ мой аду приближися: и молюся яко Іона: отъ тли Боже возведи мя. (Пѣснь 6-я изъ молебн. канона ко Пресв. Богородицѣ).

Отходя ко сну, другъ мой, ты непременно прочитай *молитвы на сонъ грядущимъ*. Побесѣдуемъ о сихъ молитвахъ.

Кругъ молитвъ на сонъ грядущимъ, главнымъ образомъ, составляютъ два рода молитвъ: 1, молитвы послѣ дневныхъ трудовъ, при отходѣ ко сну, 2, молитвы при самомъ возлеганіи на одръ ночной.

1, Перваго рода молитвы состоятъ изъ трехъ частей: а, изъ трехъ начинательныхъ, — вступительныхъ тропарей, б, десяти молитвъ собственно на сонъ грядущимъ, и в, семи заключительныхъ, сопровождающихъ человѣка въ самый пробъ постельный.

Всѣ вообще молитвы обыкновенно начинаются благословеніемъ іереемъ *), молитвами—Слава Тебѣ Боже нашъ, Царю Небесный, Трисв тое, и Отче нашъ.

Приступая къ молитвѣ, къ этой неизглаголанной бесѣдѣ съ Богомъ, что долженъ чувствовать и чувствуетъ человѣкъ? Въ рай, блаженномъ жилищѣ невинныхъ человѣковъ, Самъ Богъ бесѣдовалъ съ человѣкомъ лицомъ къ лицу, уста непорочныхъ нашихъ праотцевъ всегда были открыты на прославленіе Бога, они наслаждались часто созерцая Бога, непосредственно изъ устъ Божіихъ получая слово—духовную пищу, насыщающую невинную душу; но человѣкъ согрѣшилъ предъ Богомъ,—и услышаста гласъ Господа Бога ходяща въ рай по полудни: и скрышася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога по средѣ древа райскаго. (Быт. Ш, 8—9). Съ того времени, кровь закалаемыхъ жертвенныхъ животныхъ, преобразовавшая искупительную кровь Спасителя, чрезъ вѣру дѣлала доступнымъ молитвенное общеніе съ Богомъ; съ тѣхъ поръ, за непослушаніе человѣкъ, удаленный отъ общенія съ Богомъ, по безконечной любви Божіей, не пощадившей Единороднаго Сына своего, для спасенія міра, въ вѣрѣ находилъ отрадную молитву. Что же долженъ чувствовать человѣкъ, растлѣнный грѣхомъ, непрерывными грѣхами оскорбляющій небеснаго Отца, приступая къ молитвѣ?! Одно прирепетное сознаніе вседѣлаго грѣшника... Помилуй насъ Господи! Но откуда извлечь этотъ вопль грѣшника сердца? Изъ какого источника почерпнуть слезы кляущагося грѣшника? Изъ сердца?! Но оно, по естеству растлѣнное-рожденное вновь въ паки бытіе въ таинствѣ крещенія, получивъ шее благодатные дары Святаго Духа въ таинствѣ муропомазанія—чрезъ повторяемая постоянно нечистыя пожеланія и беззаконныя дѣла, опять дѣлается нечистымъ, гніющимъ источникомъ, из-

*) Если онъ на лицо: и если нѣтъ, то каждый христіанинъ начинатьъ самъ «Молитвами Св. Отецъ нашъ».

котораго текутъ злосмрадныя токи—прелюбодѣній, любодѣній, татѣбы лжесвидѣтельства, хулы и проч. Изъ ума? Но грѣховный умъ кичить и надмѣвается, и чрезъ то не доушаетъ человека сознать свое окаянство. Такъ, другъ мой, молитва св. Духу—Царю Небесный и пр. ясно и осязательно указываетъ грѣшному, упорному, часто не раскаянному человеку, гдѣ искать источника воздыханій, источника слезъ, источника свѣта: въ Духѣ Святомъ, щедро изливающимъ благодатныя дары свои на насъ грѣшныхъ. Онъ, —Царь Небесный, Третья Упостась Пресвятыя Троицы, съ Богомъ Отцемъ и Богомъ Сыномъ, снокланяемый и славимый, Утѣшитель, Духъ истины, вездѣ сый и вся исполняй, сокровище благихъ, податель жизни, входитъ въ сердце наше, вселяется въ немъ, очищаетъ его отъ всякаго скверны и спасаетъ души наши. Послѣ молитвы ко святому Духу слѣдуетъ ангельская пѣснь—Трисвятое—и Отче нашъ и пр. Молитвословія эти ежедневныя, общія всемъ и общеизвѣстны. А потомъ, — послѣ сихъ молитвъ, мы призывавъ на помощь свят. Духа, который ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными. (Рим. VIII. 26). Приступаемъ къ молитвамъ на сонъ грядущимъ.

ПИСЬМО 3-е.

Помилуй насъ Господи, помилуй насъ: всякаго бо отвѣта недоумѣюще, сію ти молитву яко Владыцѣ грѣшніи приносимъ: помилуй насъ (1-й тронарь).

И такъ, другъ мой, первое слово, первая мысль, первое чувство въ этой молитвѣ—есть покаяніе. И чѣмъ можетъ и долженъ начать свою молитву человекъ—грѣшникъ? Тѣло его растлѣнно грѣхомъ, работаетъ ему: очи его исполны блудодѣанія и не престаемаго грѣха, прелщающе души не утверждены, сердце научено лихоимству имѣа, клятвы чадо (2 Петр. 11, 14), гробъ отверсть гортань его, языкомъ своимъ льститъ ялъ аспидовъ подъ устнами его. Его уста клятвы и горести полна суть: скоры поги ихъ проліяти кровь. Сокрушеніе и озлобленіе на путяхъ его и пути мирнаго не познаша. Иѣсть страха Божія предъ очима его (Римл. III. 13—19). Уклоняетъ ухо свое не послушати закона и самъ молитву свою омерзиль. (Прит. Солом. XXVIII). Сердцемъ и ушесы не обрѣзанъ (Дѣян. апост. VII. 51). Рудъ его осквернены кровію и персты во грѣсѣхъ. (Ис. LIX. 3). Растлѣнный во всемъ составѣ своемъ, подавленный тиною грѣховною, съ какимъ дерзновеніемъ онъ можетъ повергнуться предъ безпредѣльнымъ ми-

люсердіемъ Божиимъ? Крестъ, съ изображеніемъ на немъ распятаго Господа нашего, Иисуса Христа, что напоминаетъ грѣшнику, всегдашними грѣхами своими вновь распинающему своего Спасителя? Напоминаетъ: «смотри на мою, изъязвленную за твое высокоуміе, терновымъ вѣнцомъ главу, на мои, прободенныя желѣзными гвоздями руки—за твою похоть очесъ, за сорванный тобою плодъ съ древа познанія добра и зла,—смотри на мое, прободенное копіемъ сердце, за твое послушаніе діаволу,—на мои прободенныя ноги за твои беззаконія.—смотри на кровь, истекшую изъ моихъ ранъ, за спасеніе тебя изъ члустей ада, отъ державы діавола!» Вотъ какой гласъ слышится со креста, предъ которымъ ты, въ окамененіи сердечномъ, на колѣнахъ стоишь! О кто дастъ намъ слезы въ минуты молитвы?! Кто не плачется мя, преступившаго заповѣдь Твою, Иисусе! Помилуй насъ Господи, помилуй насъ! Давидъ, въ молитвенно-ль раскаяніи, пораженный ужасомъ содѣяннаго имъ беззаконія, выслушавъ упрекъ пророка Наѳана, съ сокрушеннымъ сердцемъ, бія себя въ грудь, вопіялъ: помилуй мя Боже, по величій твоей милости! Въ продолженіи сорокадневнаго поста, изъ устъ кающагося грѣшника, непрерывно почти слышенъ гласъ—помилуй мя Боже, помилуй мя! Помилуй насъ Господи, насъ, горюстію преступившихъ Твою заповѣдь, грѣхами удалившихся отъ Тебя на распутія міра, насъ блудныхъ, самовольно отшедшихъ отъ Тебя на страну далеке и расточившихъ благодатныя твои дары! Мы безответны предъ Тобою, владыко нашъ! Недоумѣюще бо великаго другаго отвѣта сію ти—Владыцѣ—молитву приносимъ, —помилуй насъ! Обративши мысленный взоръ нашъ на протекшую жизнь, мы ничего не видимъ, кромѣ беззаконій: дѣтство наше протекло въ грѣховной безпечности, остальное время проведено порочно, беззаконно. Чго же мы, неблагодарныя,—и настоящій день проведеніе въ крайней безпечности, о спасеніи, что можемъ сказать въ оправданіе свое предъ Тобою, отходя ко сну?—Ничего, кромѣ—помилуй насъ Господи помилуй!

(Продолженіе будетъ).

LXXXI ПСАЛОМЪ.

Жалуюсь, что не смотря на откровение Божіе, судьи земли продолжают творить не правый судъ, дозволяя себѣ лицепріятіе, псалмопѣвецъ просить чтобъ Господь Самъ былъ судіей земли. Подъ явленіемъ Бога между судіями земли разумѣтся, вѣроятно, данный Имъ на Своиъ законъ.

Разъ, въ собраніи боговъ, —
Въ сонмѣ чтимыхъ тутъ бегами, —
Самъ явился Егова; —
Самъ судья земли и неба
Сталъ среди судей земли
Обличить ихъ и наставить,
Какъ творить имъ судъ.

И сказала Онъ имъ: «доколѣ
«Будете вы такъ судить
«Мой народъ все не по правдѣ, —
«Извращать Мой правый судъ
«И своимъ лицепріятіемъ
«Больше только распложать
«На землѣ нечестье?

«Нѣтъ; гдѣ судъ, тамъ недолжно
«Мѣста быть лицепріятію;
«Тамъ предъ вами всѣ равны.
«Такъ впередъ же вы смотрите,
«На судахъ своихъ, со всей
«Строгостью викайте въ дѣло
«Бѣднаго и сироты.
«И судите безпристрастно,
«Чтобъ гонимому во всемъ
«Отдавалась справедливость;
«Бѣднаго и нищаго
«Избавляйте отъ напасти, —
«Исторгайте ихъ изъ рукъ
«Дерзкихъ нечестивцевъ.

«Я сказала, что на землѣ
«Вы, — что боги, и сынами
«Прозоветесь Вышняго,
«Но въдь это не избавитъ
«Васъ отъ смерти. Нѣтъ, и вы, —
«Рано ль, поздно ль, — всѣ умрете,
«Какъ и прочіе; — и вы

«Такъ же, говорю, падете,
«И смѣшаетесь съ землей,
«Какъ и каждый изъ подобныхъ
«Вамъ теперь вельможъ»...

Чтожь? они и вразумились?
Нѣтъ, все ходять въ прежней тьмѣ.
Вотъ у насъ какъ разшатались
Самые столпы земли!

Такъ возстань, сойди къ намъ, Боже;
Будь ужь Самъ судьей земли,
Потому что всѣ народы,—
Сколько ихъ ни есть на ней,—
Все Твое наслѣдь?... —

— ХСІ ПСАЛОМЪ.

**Дивный промыселъ Божій въ судьбахъ нечестиваго и кра-
веднаго.**

Хорошо мнѣ славить Бога,—
Пѣть все въ славу Твоего
Имени, Всевышній,—
Каждой утренней зарей
Возвѣщать Твою къ намъ милость
И вечерней прославлять
Истину Твою и правду,—
Прославлять ее на всемъ—
На своей десятиструнной,
На псалтири ли своей,
Иль на звучныхъ гусляхъ.

* * *

Какъ вѣдь радуешь меня,
Господи, что только съ нами,
Ни творишь Ты. Каждый разъ,—
Какъ ни стану размышлять я
О твореньи рукъ Твоихъ,—
Духомъ восхищаюсь:

Такъ какъ вижу изъ всего,
Какъ дѣла Твои велики,
Помыслы Твои объ насъ
Какъ всегда глубоки.

Развѣ только ужъ глупецъ
Этого не замѣчаетъ;
Развѣ въ комъ совсѣмъ ужъ нѣтъ
Смысла здраваго,—невѣжда—
Вотъ кто развѣ ни чего
Этого не видитъ.

Если нечестивцы здѣсь,
Между насъ, и возникаютъ
Такъ же быстро, какъ трава;
Если тутъ и процвѣтаютъ
Грѣшники, такъ-чтобъ за тѣмъ
Быстро жъ и исчезнуть.

Ты жъ, въ святыхъ своихъ, высокъ
И такимъ Ты вѣчно:

Ибо вотъ Твои враги,
Другъ за другомъ, такъ и гибнуть.

Всѣхъ, какъ вижу я не разъ,—

Всѣхъ творящихъ беззаконье

Разсыпашь ты, какъ прохъ,

Мой же рогъ, все выще, выше

Поднимаешь, такъ что онъ,

Съ каждымъ годомъ разрастаясь,

У меня теперь какъ рогъ

У единорога.

Отъ чего всю жизнь свою

Такъ и весель я, какъ будто бѣ

Всякій день былъ умашень

Свѣжимъ у Тебя елеемъ,

Хоть и вижу каждый день

И своими же глазами,—

Много вокругъ себя враговъ,

Или,-то и дѣло,-слышу,

Что еще тамъ гдѣ нибудь

Поднимаются злодѣи

Въ тайнѣ на меня.

* *

Такъ-то праведникъ! Онъ тотъ-же

Финикъ въ Божьемъ тутъ саду;

Что ни будь,—зима, иль лѣто,—

Бодро онъ себѣ стоитъ,

Въ полномъ листовномъ уборѣ,—

Среди бурь и всѣхъ невзгодъ

Вѣчно зеленѣетъ;

А что дальше, годъ за годъ, —
Тамъ, все больше разрастаясь,
Ужь становится, какъ кедръ,
На горахъ Ливана.

Насажденные въ дому
Божьемъ, такъ-то всё, какъ финикъ,
Зеленѣютъ, что ни годъ,
Шире, дальше раскидая
Тѣнь свою въ святыхъ дворахъ
Бога нашего, и въ самой
Старости своей, — и тутъ
Даже плодовиты. —

Да, и въ старости своей,
Все еще не засыхаютъ; —
Свѣжи, зелены всегда,
Возвѣщая тѣмъ конечно,
Что заступникъ мой — Господь —
Праведенъ и что неправды
Нѣтъ въ Немъ ни какой.

С ПСАЛОМЪ.

Урокъ св. Давида, какъ служащимъ въ дому его т. е. его придворнымъ, такъ и всѣмъ живущимъ въ Иерусалимѣ и приходящимъ въ этотъ градъ Божій.

Милость, Господи, пою,
Милость, но и правосудье,
Вотъ о чемъ передъ Тобой
Я теперь бряцаю!
Всякій день, въ своей душѣ,
Лишь о томъ и помышляю,
Чтобъ и самому всегда
На пути быть непорочныхъ,
Да на тотъ же добрый путь
И другихъ наставить.
Всякій день, когда ко мнѣ
Не зайдя Ты, такъ увидишь,
Что въ дому моемъ хожу
Я, среди своихъ домашнихъ
И служащихъ мнѣ, всегда
Съ непорочнымъ сердцемъ.

Ни себѣ тутъ, ни другимъ, —
Никому изъ предстоящихъ
Мяѣ, не позволяю я
Неприличнаго и слова;
А пре тупныхъ дѣлъ, о! ихъ
Такъ душа моя не терпитъ,
Что, замѣчу лишь кого
Между ними съ развращеннымъ
Сердцемъ, — такъ ктobъ ныбылъ онъ,
Ужъ такого изгоняю
Тутъ же отъ себя.

Злыхъ я при себѣ не знаю.
Ктobъ осмѣлился когда
Тайно клеветать на брата
Тотчасъ съ глазъ моихъ тѣкихъ
Удаляю и надменныхъ, —
Съ гордымъ окомъ, а внутри
Съ сердцемъ, спесью напыщеннымъ,
Такъ же не терплю.

Нѣтъ; глаза мои на вѣрныхъ,
На людей съ прямой душой,
Съ непорочнымъ, кроткимъ сердцемъ,
Вотъ кого люблю.

Лишь ходящій непорочно, —
Вотъ кто у меня служи; —
Поступающій коварно
Не живетъ въ дому моемъ;
Говорящій ложь, лукавецъ, —
Прочь съ моихъ онъ глазъ.

Какъ встаю только съ постели,
Съ ранней, утренней зари, —
Силою суда и правды,
Каждый день во кругъ себя
Истребляю нечестивыхъ,
Чтобъ ужъ въ градъ Егovy,
Гдѣ стоитъ престолъ Господень,
Наконецъ изкоревить
Всѣхъ мнѣ нечестивыхъ.

СХLІ ПСАЛОМЪ.

Въ дни золь своихъ, крайне стѣсненный отъ своихъ гонителей и покинутый людьми самыми близкими къ нему, псалмопѣвецъ тѣмъ громче взываетъ къ Господу, какъ къ всегдашнему своему прибѣжищу и умоляетъ его вывести его изъ крайняго.

Громкимъ гласомъ вопію, —
Съ воплями къ тебѣ взываю,
Господи Іегова;
Въ слезныхъ токахъ изливаю,
Предъ лицемъ Твоимъ, свою
Скорбную молитву,
Изъясняя предъ Тобой
Всѣ мои теперь страданья:
Такъ какъ, — чувствую, совсѣмъ
Ужъ во мнѣ изнемогаетъ,
Изчезаетъ духъ.

Господи! Тебѣ извѣстны
Всѣ стези мои. Смотрижь,
На пути, какимъ хожу я
Предъ Тобой, мои враги
Сѣтъ раскинули ужъ тайно
Для души моей, и чтожь?
Въ лѣво-ль посмотрю, на право-ль,
Вижу, тамъ и здѣсь, никто
Изъ друзей моихъ какъ будтобъ
Ужъ не узнаетъ меня, —
Что нигдѣ не стало больше
Мнѣ прибѣжища; никто
Позаботиться не хочетъ
О душѣ моей.

Такъ къ Тебѣ жъ, къ Тебѣ взываю:
Ты прибѣжище мое
И одинъ — моя тутъ доля,
На землѣ живыхъ. Внемли жъ,
Господи, моей молитвѣ:
Я совсѣмъ ужъ изнемогъ;
Поспѣши меня избавить
Отъ гонителей моихъ:
Одолѣли, одолѣли
Вѣдь они меня.

Изведи мою Ты душу
Съ этой страшной тѣсноты,
Какъ съ какой нибудь темницы,
Чтобъ, въ день радости своей,
Мнѣ Твое прославить имя,
Въ сонмѣ праведныхъ Твоихъ:
Такъ какъ я вполне увѣренъ,
Господи, что всѣ они,
Съ полнымъ бы ко мнѣ участиемъ,
Собрались вокругъ меня,
Только бь даль Ты имъ услышать,
Что, по благи, Своей,
Ты явилъ Свою святую
Милость надо мной.

СХІ ПСАЛОМЪ.

Блаженство боящихся Бога.

Блаженъ, кто, страхъ имѣя къ Богу,
Всей прилѣпляется душой
Къ его закону: сильно будетъ
Его тутъ сѣмя и, чегобъ
Его не пожелало сердце,
Все это дастъ ему Господь,—
Самъ жизнь его устроить.

Всѣмъ тутъ благословить его.
Обилъе будетъ и богатство
Всегда въ дому его, а съ тѣмъ
И милость къ бѣднымъ ужъ конечно.
Не прекратится въ немъ во вѣкъ,
Пребудетъ съ нимъ до смерти.

Да, еслибъ и какая тьма
Его когда тутъ обложила,
Такъ и сквозь тьму проглянетъ свѣтъ
Къ нему отъ праведнаго и благаго,
Того, кто милостивъ ко всѣмъ
И праведенъ отъ вѣка.

Да, благо, хорошо тому,
Кто добръ и милостивъ тутъ къ нищимъ
И бѣдному даетъ займы,
Какъ брату безъ отказу.

Будь привлеченъ онъ какъ нибудь,
По зависти къ нему, къ отвѣту
И предъ судомъ, такъ что-жь? И тамъ
Своей онъ жаждою въ несчастнымъ
И правотой своей души,
И тамъ придастъ такую твердости
Своимъ отвѣтамъ, что ни чѣмъ
Не поколеблется во вѣки,
Кажихъ враги противъ него
Ни вымышляй тамъ козней.

Нѣтъ, въ доброй памяти во вѣкъ
Пребудеть праведникъ и слуховъ,
Злыхъ слуховъ-то отъ злыхъ людей
Онъ никогда не побоится.

Нѣтъ сердце праведника такъ
Всегда надѣется на Бога,
Такъ крѣпко въ немъ утверждено,
Что никого онъ не боится,
А смѣло смотреть на враговъ,
Безъ страховъ и смущенья.

А потому ужъ и того
Ни сколько также не огранится,
Чтобъ могъ когда и оскудѣть;
Рукою щедрой продолжаетъ
Изъ житницъ отсыпать своихъ
Все хлѣбъ-то свой для бѣдныхъ.

И чтожь? А рогъ-то, рогъ его,
Его богатство, честь и слава,
Еще тѣмъ больше все растеть,
Являясь въ новой славѣ.

Терзаясь завистью къ такой
Его тутъ славѣ, нечестивецъ
Со зла выходитъ изъ себя,
Досадуетъ, скрѣшитъ зубами,
Весь таетъ, такъ сказать, со зла
А зла-то все не въ силахъ сдѣлать.

Нѣтъ, что враги не замышляй
Противъ него, всѣ ихъ затѣи
И ихъ надежда на успѣхъ
Такъ съ ними и погибнуть.

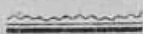
РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ ПРАВОСЛАВНО РИМСКАГО ПАТЕРА ТЕРЛЕЦКАГО

Варшавскій корреспондентъ «Голоса» сообщаетъ любопытныя свѣденія объ извѣстномъ въ свое время церковномъ агитаторѣ и горячемъ проповѣдникѣ католичества, докторѣ медицины и латинскаго богословія В. Терлецкомъ, судьба котораго по истинѣ замѣчательна. Эмигрировавъ изъ Кіева, онъ сначала былъ посвященъ въ санъ латинскаго патера, потомъ, изъ любви къ славянскому обряду, принялъ унию и задался грандіозною утопіей — подчинить все славянскіе народы римскому престолу, посредствомъ церковной униі. Посвятивъ себя служенію этой идеи онъ основалъ въ Парижѣ миссіонерскую семинарію, учредилъ «восточное общество пропаганды», и самъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, скитался на юго-востокѣ Европы между православными славянами, проповѣдая соединеніе съ Римомъ и перенося нечеловѣческіе труды и всевозможныя лишенія. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ горячихъ усилій въ пользу папства, почтенный отецъ Терлецкій сталъ сознать фальшь своей дѣятельности, такъ какъ ему ясно стало, что униія вноситъ погубную разнь въ славянскій міръ. Тогда онъ поступилъ монахомъ въ униатской монастырь въ Угорской руси, и тутъ-то началась въ немъ внутренняя работа духовнаго перерожденія. Онъ позналъ, что латинство и униія не то, къ чему стремится духъ его, что онъ далеко не достигъ совершеннаго идеала религіознаго культа, и что единственное спасеніе для него въ православіи. Какъ человѣкъ послѣдовательный, онъ испросилъ у нашего правительства разрѣшеніе вернуться на родину и въ настоящее время живетъ въ Кіевѣ въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ, готовится къ соединенію съ православною церковью. Отецъ Владиміръ знаетъ въ совершенствѣ древніе и многіе новѣйшіе славянскіе и романскіе языки, обладаетъ многостроенною ученостію и солиднымъ общимъ образованіемъ. Обращеніе такого человѣка отъ панизма къ православію, путемъ самостоятельной внутренней работы, представляется фактомъ весьма знаменательнымъ.

ОНАКАЗАНИИ СВЯЩЕННИКА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ СОКОЛОВА ЗА НЕВѢРНУЮ МЕТРИЧЕСКУЮ ВЫПИСКУ.

20-го октября въ засѣданіи уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, происходившемъ подъ предѣлательствомъ первоприсутствующаго сенатора Н. Н. Столповскаго, между прочими, разсматривалось дѣло доложенное сенаторомъ Буцковскимъ, которое заключается въ томъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Калужскаго окружнаго суда священникъ Соколовъ и мѣщанинъ Сииница признаны виновными: первый въ томъ, что по просьбѣ Сииница выдалъ ему метрическую выписку о рожденіи брата его, въ которой умышленно написано время рожденія въ 1840 году, тогда какъ въ книгѣ значится 1843 годъ, а второй въ томъ, что, по случаю призыва брата въ рекруты, представилъ эту выписку въ думу, зная, что въ ней неправильно показано время роженія; при этомъ присяжные признали подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія. Присяжнымъ былъ поставленъ другой вопросъ о томъ, не было ли со стороны Соколова допущено небрежности при выдачѣ выписи; но присяжные отвѣчали отрицательно. Окружной судъ постановилъ: лишивъ священника Соколова всѣхъ собственныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и, по святіи духовнаго сана, послать въ Томскую губернію; приговоръ представить на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества, а Сииница выдержать въ тюрьмѣ два мѣсяца. Подсудимые подали кассационную жалобу, въ которой существеннымъ поводомъ представлялось указаніе на неправильную постановку вопроса. Товарищъ Оберъ-Прокурора В. А. Роде полагалъ отмѣнить рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда вслѣдствіе неправильной постановки вопроса. Правительствующій Сенатъ, однакожь, не согласился съ этимъ и опредѣлилъ кассационную жалобу Соколова и Сииница оставить безъ послѣдствій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

В. П. Т У Р Ъ Ы,

въ Спб., на углу Вознесенскаго пр. и большой Мѣшанской улицы, домъ Елисеѣва. (бывш. Тура), поступила въ продажу БОЛЬШАЯ КАРТИНА:

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II-й

И ЕГО СЛОДОВИЖЕННИКЪ,

исполненная на камнѣ художникомъ П. Θ. Борелемъ. Величина картины 1½ аршина длины и 14 вершковъ ширины; въ ней помѣщены одиннадцать портретовъ: I) Императоръ Александръ II. II) Вел. князь Константинъ Николаевичъ. III) Канцлеръ князь А. М. Горчаковъ. IV) Военный министръ Д. А. Милютинъ. V) Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. VI) Князь П. П. Гагаринъ. VII) Графъ Д. Н. Блудовъ. VIII) Графъ Я. И. Ростовцевъ. IX) Графъ Θ. Θ. Бергъ. X) В. А. Татариновъ. XI) П. А. Милютинъ.

Картина отпечатана на слововой бумагѣ и съ тономъ. Ц. 2 р. Для гг. иногородныхъ съ пересылкой на палкѣ 2 р. 50 к.

Гг. иногородные и книгопродавцы благоволятъ обращаться съ требованіями въ вышеозначенный книжный магазинъ.

Въ книжномъ магазинѣ В. П. Турбы имѣются всѣ русскія книги, заслуживающіе вниманія. Требованія гг. иногородныхъ исполняются не позже, какъ на третій день.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАВАНІЯ ВОРОНЕЖСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬН. ВѢДОМОСТЕЙ.

ВЪ 1873 ГОДУ.

Въ 1873 г. Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ предѣлахъ программы, утвержденной св. Синодомъ. Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяць—1 и 15-го чиселъ

Вѣдомости будутъ состоять, какъ и прежде, изъ двухъ отдѣловъ—официальнаго и неофициальнаго, и прибавленійкъ нимъ.

Цѣна одному экземпляру Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей *четыре рубля*, а съ пересылкою или доставкою на домъ *пять рублей*; въ томъ числѣ почтъ 60 коп., за бандероль, упаковку и др. расходы 40 коп.

Требованія на Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости вмѣстѣ съ деньгами за оныя слѣдуетъ адресовать: «Въ г. Воронежъ, въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей при семинаріи.» При этихъ требованіяхъ, особенно въ первый разъ, должно четко и обстоятельно прописывать почтовую контору, въ которую слѣдуетъ высылать Вѣдомости, а также званіе, имя, фамилію и мѣстожителство получателя.

Редакція Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ Редакціи всѣхъ газетъ и журналовъ, съ коими она доселѣ мѣнялась изданіями, продолжить этотъ обмѣнъ и перепечатать въ своихъ изданіяхъ настоящее объявленіе.

Цѣль изданія журнала «Гражданинъ» — знакомить совсѣми сторонами русской жизни.

Для облегченія подписки на журналъ «Гражданинъ» тѣмъ лицамъ, которыя затрудняются одновременно вносить годовую плату 8 руб., Редакція признаетъ возможнымъ—для сельскаго и городского духовенства для волостныхъ правленій, а также для всѣхъ служащихъ (съ точномъ обозначеніемъ мѣста ихъ службы)—допустить, въ случаѣ подписки на годъ, разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

При подписки вносятся	2 р.
въ маѣ	2 »
въ сентябрѣ	2 »
въ ноябрѣ	2 »

Подписка для иногородныхъ и съ разсрочкою принимается только въ Редакціи: въ С. Петербургѣ, Невскій пр., д. № 77, кв. № 8, куда и просить гг. подписчиковъ обращаться письменно.

Подписка на годъ съ пересылкою	8 р.	безъ перес.	7 р.
на полгода	5 »	»	4 »
на треть года	4 »	»	3 »

Разсрочка на вышеуказанныхъ условіяхъ въ платежѣ подписной суммы за годъ, допускается также для лицъ живущихъ въ Петербургѣ, кто бы они ни были, но съ тѣмъ, чтобы о томъ ими было заявлено въ Редакціи лично (Невск. пр. д. № 77, кв. № 8).

Пожертвованія въ Вор. Епарх. ж. Училище.

Отъ Л. и В. Липскихъ, дочерей наставника семинаріи, подарены два геогр. атласа. — Отъ настоятеля Валуйскаго мон.—арх. Игнатія на дер. масло въ училищную церковь 3 р.

Редакторы: Прот. **Θ. Никоновъ.**

Свящ. **І. Адамовъ.**

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свящ. **П. Палицынъ.** Воронежъ. Января 31 го дня 1873 года. Въ типографіи **Н. Д. Гельдштейнъ.**